АКСЕЛЬ ПАНЦЕТ

ПОТАЁННЫЕ ТРОПЫ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Аксель Панцер

Потаенные тропы

«Автор»
2026

Панцер А.

Потаенные тропы / А. Панцер — «Автор», 2026

22 июня 1941 года инженер Алексей Воронцов верит, что его дело — обеспечивать город водой. Но война превращает привычные подвалы, коллекторы и аварийные ходы в дороги спасения. Наверху — оккупационные приказы, облавы и доносы. Внизу — темнота, холод и люди, которым нельзя оставаться на виду.Спасая еврейскую музыкантку Софью, Алексей вместе с врачом Верой, сыном Мишей и помощниками создаёт тайную сеть переходов. Каждый новый спасённый увеличивает риск. Немецкий инженер Крамер восстанавливает забытые схемы коммуникаций — и шаг за шагом приближается к убежищам, которых не должно существовать на карте.Когда под землёй оказываются двадцать семь человек, ошибка одного может погубить всех. Но страшнее самого пути — выбор: кого вести первым, кому доверять и чем заплатить за чужую жизнь.Исторический роман о сопротивлении без громких лозунгов, о цене милосердия и о дороге домой, которую нельзя начертить на плане.

© Панцер А., 2026
© Автор, 2026

Аксель Панцер
Потаенные тропы

АКСЕЛЬ ПАНЦЕР
ПОТАЁННЫЕ ТРОПЫ
Исторический роман
ЧАСТЬ I
ГОРОД НАВЕРХУ
Пролог. Знак на стене

В начале зимы сорок третьего подземный город звучал иначе, чем два года назад. Алексей Воронцов прежде различал в старых коллекторах воду, осыпающийся кирпич и далёкий стук трамвайных колёс. Теперь он слышал людей. Двадцать семь человек шли за ним в темноте. На каждом повороте их дыхание меняло звук, и Алексей почти без фонаря мог определить, растянулась ли колонна.

Он ещё помнил эти сооружения до войны. Тогда в журнале указывали отметку дна, диаметр трубы, состояние шва. К повреждённому своду ставили подпорку, на опасном участке вывешивали предупреждение. Всякая неисправность имела номер, а у каждой работы был ответственный. Сейчас он не мог написать в журнале даже того, что находилось за ближайшим поворотом: идти здесь должны были люди, которых не следовало записывать.

Старая кирпичная кладка сочилась водой. На полу под сапогами хрустел песок, местами вода доставала до щиколоток. От холодных стен пахло ржавчиной и мокрой известью. Где-то за двумя перегородками, над их головами, продолжалась городская жизнь: скрипела телега, хлопала дверь, кто-то ругался, будто под мостовой не было ни одного человека.

Впереди Степан прикрыл фонарь рукавицей. Огня стало едва хватать на два шага. Николай оставался позади: ему нужно было заметить, если кто-нибудь отстанет. У двери в старую камеру кто-то тихо кашлянул. Этот звук заставил Алексея остановиться быстрее, чем далёкий металлический удар.

— Кто там?

Ответили не сразу. Потом из темноты вышла Ольга, придерживая Катю за плечи.

— Она боится идти дальше.

Девочка стояла в чужом пальто с подвернутыми рукавами. Одну руку держала в кармане, другой цеплялась за материнский пояс. Алексей присел перед ней. Он хотел показать, как удобно пройти боком у выступа кирпича, но увидел, что ребёнок смотрит вовсе не на выступ. Она смотрела за его плечо — туда, где не было света.

— Там кто-нибудь есть? — спросила Катя.

Алексей прислушался. Ответить уверенно он не мог. Сзади, за несколькими изгибами, иногда доносился стук, похожий на шаги. Может быть, вода била по незакреплённой железке. Может быть, за ними действительно шли.

— Я не вижу никого, — сказал он. — Сейчас пройдём до того фонаря. Дальше решим.

Катя не отпустила мать, но кивнула. Они тронулись, и Алексей задержался, пока девочка не миновала низкий участок. Он уже знал, что объяснять ей устройство свода было бессмысленно. Ей нужно было знать только, где поставить ногу.

Миша стоял неподалёку. На лице сына, освещённом снизу, появилось новое выражение: не детская бравада, а терпеливая сосредоточенность человека, которому поручили простое дело и который не хочет его испортить. В своё время Алексей радовался, когда мальчик научился запоминать проходы между дворами. Теперь он пытался не думать о том, сколько опасного Миша успел узнать.

— Ты замёрз? — спросил Алексей.

— Немного.

— Руки покажи.

Миша вытащил ладони из карманов. Пальцы посинели, но двигались свободно. Алексей растёр их между своими руками и сразу отпустил. За ним ждали другие.

Веры среди них не было. От этого отсутствие жены ощущалось почти как ещё один человек в колонне: Алексей всё время оставлял для неё место в мысленном пересчёте и тут же вынужден был себя поправлять. Он не знал, где она сейчас. Не знал, удалось ли ей уйти от наблюдения. Спросить было не у кого. Каждый лишний адрес, который он мог бы узнать, становился опасным для неё и для сына.

Михаил Семёнович шёл с больной ногой. Андрей помогал ему, подставив плечо. Старик дышал тяжело, но не жаловался, и это тревожило Алексея больше жалоб. В тесноте человек мог молча истратить последние силы и осесть на пол там, где его уже нельзя будет поднять. Он попросил Степана пропустить пожилого мужчину ближе к середине, между двумя взрослыми, которые ещё могли его поддержать.

За стеной вновь раздался металлический звук. Степан посмотрел назад, на Николая, но тот не поднял руки: ничего определённого он не видел. Двадцать семь человек остановились вслед за первыми тремя. Ни приказа, ни громкого окрика не потребовалось. Ладонь легла на плечо, другая ладонь повторила движение — и колонна замерла.

Алексей подумал о том, как легко теперь было бы нарисовать на бумаге стрелку. Изобразить прямую линию там, где на самом деле приходилось ждать ребёнка, придерживать старика, уступать дорогу человеку с мокрым узлом. На чертеже такой путь выглядел проходимым. Пока по нему не начинали идти люди.

В свете прикрытого фонаря он увидел след мела на кладке — старую отметку, оставленную ещё тогда, когда здесь ходили рабочие. Теперь нельзя было сказать, кто прочтёт её следующим и что решит. Алексей не стал добавлять новый знак. Он лишь коснулся стены ладонью, проверяя, не сыплется ли раствор у шва.

— Далеко ещё? — шёпотом спросил Миша.

— Не знаю точно.

Сын чуть заметно кивнул и пошёл к девочке. На этот раз он ничего не спрашивал о маршруте. Только предложил Кате нести её маленький узел, пока она держится за мать.

Алексей подождал, пока последние шаги не затихнут на повороте, и двинулся следом. Впереди оставалось сооружение, которое он знал по чертежам, но которое не мог обещать им без ошибки. А в памяти почему-то возникло совсем другое утро: сухая мостовая, раскрытая дверь трамвая, звонок у остановки. Город тогда жил над землёй, и он спешил на работу, недовольный тем, что вагон снова задержался у перекрёстка.

Глава 1. Последний мирный трамвай

В воскресенье, 22 июня 1941 года, жара началась ещё до восьми утра. Солнце поднималось над крышами медленно, будто заранее обещало тяжёлый день, и на булыжной мостовой уже лежали сухие светлые пятна. Дворники поливали улицы водой из длинных шлангов, пахло мокрой пылью, липой и свежим хлебом из пекарни за углом. Трамвай звякал на повороте, продавщица открывала ставни киоска, две женщины спорили из-за очереди за молоком. Утро не отличалось от предыдущего воскресенья. Возле киоска звякнули монеты, трамвайный кондуктор прикрикнул на пассажира, задержавшегося на подножке. Алексей Воронцов вышел из подъезда без четверти восемь. Ему было тридцать пять, и он уже успел приобрести ту спокойную сдержанность, которую люди иногда принимали за холодность. Он редко повышал голос, не любил обещаний, которые нельзя выполнить, и машинально замечал в любом помещении трубы, двери, вентиляционные решётки и то, где пройдёт вода, если лопнет стояк.

Григорий Максимович Савченко подметал двор.

— Рано сегодня, Алексей Петрович.

— Как обычно.

— Значит, часы у меня врут.

— Почините.

Савченко остановил метлу.

— Если я всё в этой жизни начну чинить, времени жить не останется.

Алексей уже прошёл к воротам, когда заметил, что дворник не улыбается. Обычно за его фразами обязательно следовала едва заметная усмешка, как будто он заранее знал, что никто не обязан воспринимать его всерьёз.

— Что случилось?

Савченко посмотрел на улицу.

— Радио у соседей с пяти утра работает.

— И?

— И хорошие новости обычно не слушают шёпотом.

Алексей хотел спросить подробнее, но во дворе появилась женщина с ведром, и Савченко сразу снова принялся мести.

— Идите, — сказал он.

— На работе узнаете быстрее.

На остановке людей было больше, чем обычно. Они стояли теснее, но говорили меньше. Кто-то держал газету, хотя сегодняшнего выпуска ещё не было. Мужчина в белой рубашке рассказывал двум женщинам, что ночью видел военные машины, шедшие на запад. Другая женщина уверяла, что это учения. Никто не спорил до конца, будто любое утверждение могло стать опасным, если произнести его слишком уверенно. Трамвай пришёл с опозданием в четыре минуты. Алексей отметил это автоматически. В вагоне было душно. Окна открыты, но воздух почти не двигался. Кондукторша в синем халате пробиралась по проходу, щёлкая компостером. У передней площадки двое мужчин обсуждали границу.

— Говорят, бомбили уже.

— Кто говорит?

— Люди.

— Люди много чего говорят.

— А ты радио слушал?

— Радио пока молчит.

Алексей смотрел в окно. Город проходил мимо знакомыми слоями: старые кирпичные дома с подвалами, построенные ещё до революции; новые кварталы с широкими дворами; рынок, где торговцы раскладывали овощи; заводская труба; зелёный бульвар, по которому шли родители с детьми.

На перекрёстке милиционер поднимал жезл так же, как вчера. У кинотеатра висела афиша. Девушка в белом платье бежала к трамваю и смеялась, потому что кондуктор подождала. Алексею почему-то особенно запомнился её смех: на фоне тревожных разговоров он звучал так беззаботно, что становилось не по себе. В управлении городского хозяйства уже никто не делал вид, что утро обычное. На первом этаже звонили телефоны. Курьер поднимался по лестнице через две ступени. Дверь кабинета Королёва была открыта. Иван Сергеевич Королёв, начальник отдела водоснабжения, стоял над картой.

— Воронцов. Хорошо. Сюда.

— Что произошло?

— Германия напала.

Алексей не переспросил. Слова были слишком ясными.

— Когда?

— Ночью. Границу перешли в нескольких местах. Бомбили города.

— Наши?

— Что «наши»?

— Где фронт?

Королёв раздражённо провёл рукой по волосам.

— Если бы я знал, меня бы здесь не было.

В комнате находились ещё трое инженеров. Все говорили о трубах, резервных насосах и запасах топлива. Никто не говорил о страхе. Профессия давала удобный язык, на котором можно было обсуждать катастрофу, не называя её катастрофой.

— Проверить резервные линии, — сказал Королёв.

— Все насосные. Старые задвижки тоже. Особенно те, что по плану двадцать четвёртого года.

— Они половина не обслуживались лет десять.

— Теперь будут.

— Людей не хватит.

— Найдёте.

— Запчасти?

Королёв посмотрел на него.

— Алексей Петрович, я сегодня уже слышал про запчасти четыре раза. Если у вас есть способ заказать их у немцев, которые сейчас идут через границу, скажите.

— Нет.

— Тогда работаем тем, что есть.

Официальное сообщение передали по радио около четверти первого по московскому времени. До этого в коридоре несколько раз подходили к приёмнику: из репродуктора звучали обычные передачи, а из кабинетов приносили всё новые, ещё не проверенные известия. Все вышли в коридор. Приёмник стоял на подоконнике. Голос из динамика был ровным, почти слишком ровным. Люди слушали стоя. Алексей смотрел на знакомые лица и впервые заметил, как по-разному человек принимает одну и ту же новость. Один инженер закрыл глаза. Женщина из бухгалтерии постоянно поправляла воротник. Королёв курил, хотя в коридоре курить запрещал сам. Молодой чертёжник смотрел в пол и беззвучно шевелил губами, будто повторял каждое слово. После сообщения никто не разошёлся сразу. Потом Королёв сказал:

Перед приёмником толпились сотрудники, которые обычно не выходили из кабинетов до обеда. Архивариус пришёл с карандашом за ухом и так и стоял, держа раскрытый журнал. Рядом с ним женщина из расчётного отдела сжимала в руке номерок из гардероба: она собиралась спуститься за пальто, но по дороге остановилась послушать. Никто не спросил, почему известие, о котором говорили с самого утра, подтверждают только теперь. Архивариус накрыл раскрытый журнал ладонью, не заметив, как пачкает страницу карандашом. Он уже боялся оставить этот документ на подоконнике.

— Всё. За работу.

И люди послушались с облегчением. В архив Алексей спустился после обеда. Там было прохладно. Пахло бумагой, пылью и известью. Архивариус вынес несколько больших папок.

— Что ищете?

— Старые сети. Всё до двадцатого года тоже.

— Зачем вам дореволюционные?

— Новые планы неполные.

— Они всегда были неполные.

— Сегодня это стало важнее.

Он разворачивал лист за листом. Планы 1910 года. 1912-го. 1916-го. Водопровод.

Ливневая канализация. Старые котельные. Подвальные галереи. В одном месте Алексей остановился. Под кварталом, где стоял их дом, была нарисована сеть линий, которых на

современных схемах не существовало. Некоторые соединяли подвалы. Одна уходила к старой котельной. Другая — к коллектору, давно считавшемуся засыпанным.

— Это действительно было построено? — спросил он архивариуса. Тот посмотрел через очки.

— Если на плане есть, значит, собирались.

— Я спросил, построено ли.

— А это уже другой вопрос.

Алексей сделал отметку. За окном архива прошло несколько часов. Когда он поднялся наверх, город уже был другим — не внешне, а по выражению лиц. На улицах появились небольшие группы людей у репродукторов. Где-то уже вывешивали объявления о мобилизации. Мужчины шли к военкомату с узлами. Женщины стояли рядом, часто молча. Трамваи продолжали ходить. Алексей сел в тот же маршрут. В вагоне было теснее, чем утром. Никто не смеялся. Один мальчик держал игрушечный самолёт и всё время поднимал его к окну. Мать несколько раз опускала ему руку.

— Хватит.

— Почему?

— Просто хватит. На остановке у площади трамвай задержался. По улице прошла колонна грузовиков. Люди в вагоне смотрели. Кто-то сказал:

— Наши.

И это слово прозвучало уже не как обозначение армии, а как просьба. Когда Алексей вышел возле дома, Савченко всё ещё был во дворе. Метла стояла у стены.

— Узнали? — спросил он.

— Да.

— Значит, радио не врало.

— Нет.

Савченко посмотрел на улицу, где трамвай звякнул на повороте.

— Жалко.

— Что?

— День хороший был. Дома Вера стояла у стола и складывала в сумку медицинский халат.

— В больницу вызывают всех.

— На ночь?

— Не знаю.

Миша сидел у окна. Ему было десять. Он уже был слишком взрослым, чтобы не понимать слова «война», и слишком ребёнком, чтобы понимать их вес.

— Пап.

— Что?

— Немцы сюда придут?

Вера замерла.

Алексей снял пиджак, повесил на стул.

— Не знаю.

— А наши их остановят?

— Надеюсь.

Миша нахмурился.

— Это не то же самое, что «да».

— Нет.

Вера посмотрела на мужа.

— Сегодня ты особенно щедр на правду.

— А что ему сказать?

Она не ответила. Ночью Алексей долго не спал. Город за окном оставался прежним. Где-то звякнул последний трамвай. Далеко лаяла собака. Кто-то во дворе смеялся, потом быстро замолчал. Алексей лежал и думал о старой схеме.

О линиях под кварталом. О проходах, которых не было на новых планах. Он ещё не воспринимал их как путь спасения. Пока это были только инженерные объекты. Старый кирпич. Забытые коллекторы.

На следующий день война стала видна не только по радио. У военкомата выстроилась очередь мужчин, и улица, по которой Алексей ходил на работу много лет, вдруг изменила рисунок движения. Раньше здесь спешили к трамваю, ругались из-за велосипедов, останавливались у газетного киоска. Теперь почти все взгляды были направлены к одной двери. Женщины стояли чуть в стороне, кто-то приносил узлы, кто-то документы, кто-то просто ждал. Алексей прошёл мимо и поймал себя на том, что узнаёт соседей не по лицам, а по тому, как они прощаются. Один мужчина говорил громко и шутил, явно стараясь рассмешить жену. Другой молчал, держа дочь за плечи. Третий раздражённо просил мать идти домой, а сам не отпускал её руку. В управлении тоже объявили мобилизационные списки. Фёдор из ремонтной бригады оказался среди первых. Он пришёл в мастерскую в новой гимнастёрке, но всё ещё держал в руках гаечный ключ.

— Куда его? — спросил он у Семёна.

— Оставь. Армии пригодится другой.

— Привык. Семён забрал ключ и положил в ящик.

— Вернёшься — найдёшь.

Фёдор улыбнулся, но Алексей заметил: никто не сказал «когда вернёшься». Семён, обычно не боявшийся ни одного слова, тоже осторожно обходил будущее. Город продолжал притворяться обычным. В парке играла музыка, хотя оркестр уже был неполным. В кинотеатре шли сеансы. У кафе стояли столики. На набережной дети запускали самодельные кораблики.

Но привычные действия стали выполнять как будто быстрее, словно люди хотели успеть прожить запас обычной жизни. Вечерами дворы наполнялись разговорами. Новости передавались с этажа на этаж, от окна к окну. Каждая версия начиналась словами «мне точно сказали», но через час превращалась в противоположную. Алексей относился к слухам с профессиональной неприязнью. Ему нужны были цифры, планы и подтверждения. Но война оказалась средой, в которой точные данные опаздывали. К моменту, когда информация становилась официальной, люди уже жили следующей тревогой. Он впервые почувствовал, что привычная инженерная логика не успевает за событиями.

Вечером они с Верой сидели на кухне. Миша спал или делал вид, что спит.

— Ты думаешь, всё быстро закончится? — спросила она.

Алексей долго молчал.

— Пока не знаю.

— Ты сегодня уже третий раз так отвечаешь.

— А что лучше — придумать?

Вера провела пальцем по краю чашки.

— Иногда хочется, чтобы ты придумал.

— Что именно?

— Что через месяц всё будет как раньше.

— Не будет. — Она подняла глаза.

— Вот поэтому иногда я и хочу, чтобы ты умел врать.

Алексей посмотрел в окно. Во дворе Савченко заканчивал обход, проверяя двери подвалов. Дворник, казалось, всегда знал, где должны быть ключи, кто потерял замок, какая семья хранит слишком много вещей в проходе. Раньше всё это выглядело мелочной хозяйственной властью. Теперь каждый ключ вдруг приобретал новый смысл.

— Завтра посмотрю старые подвалы, — сказал Алексей.

— По работе?

— Пока по работе.

Вера услышала слово.

— «Пока»?

— Я просто так сказал.

— Нет. Ты редко говоришь просто так.

Он не стал спорить. На третий день после начала войны первые раненые появились на городских улицах. Не массово, не колоннами — отдельные машины, носилки, люди в бинтах. Но именно тогда война окончательно перестала быть картой на стене. Вера пришла домой утром с пятнами крови на рукаве, которые не заметила. Миша увидел первым.

— Мам, у тебя кровь. — Она посмотрела на рукав так, будто увидела чужую одежду.

— Не моя.

И ушла умываться. Алексей хотел спросить, что произошло, но не спросил. Между ними впервые возникла новая форма молчания: они старались не приносить домой всё, что видели на работе. Не потому, что не доверяли друг другу, а потому, что квартира оставалась последним местом, где можно было на несколько минут притвориться обычной семьёй. Уже сейчас всё труднее было поверить, что прежние привычки надолго удержатся. В первые недели особенно странно было наблюдать, как быстро военная реальность присваивает привычные места. Школьный двор, где Миша ещё весной играл в мяч, превратился в площадку для обучения санитарных дружин. В сквере поставили ящики с песком. В бывшем клубе разместили пункт сбора. На площади, где по воскресеньям гуляли семьями, теперь стояли грузовики и люди в форме.

Алексей однажды прошёл по центральной улице вечером и поймал себя на том, что мысленно проверяет не витрины и вывески, а возможные укрытия. Арка. Подъезд. Каменный цоколь. Подвал. Это произошло почти автоматически. Мирная профессия, приучившая его видеть техническую сторону зданий, теперь меняла способ смотреть на город.

Он встретил старого университетского знакомого, Петра Климовича, учителя физики. Тот нёс на плече лопату.

— Вот, — сказал Пётр, — двадцать лет объяснял детям законы природы, теперь копаю яму.

— Щель.

— Спасибо, инженер. Теперь я образованнее. — Они помолчали.

— Жена уехала?

— Нет. Родители старые. А ваша?

— Больница.

Пётр кивнул так, будто этого было достаточно для полного объяснения. Такие короткие встречи стали новой формой общения: люди называли одно слово — «завод», «мать», «дети», «больница» — и за ним стояла причина остаться. На работе Алексей впервые получил приказ составить перечень объектов, критичных для жизни города при длительном нарушении снабжения. Список был прост: вода, электричество, больницы, хлебозаводы, связь. Но за каждым пунктом стояли десятки конкретных мест. Он писал и понимал, что город в инженерном смысле — не улицы и площади. Город — это зависимость. Нет воды — останавливается больница. Нет электричества — насос не подаёт воду. Нет топлива — не работает генератор. Нет дороги — не привезут топливо. Война делала связи видимыми через угрозу их разрушения. Вечером Алексей пытался объяснить это Мише на примере чайника.

— Если воды нет, чайника тоже как будто нет.

— Чайник есть.

— Пользоваться нельзя.

— Можно налить компот.

— Спасибо.

— Ты сам сказал думать обходами.

Алексей рассмеялся.

Вера сказала из комнаты:

— Не учи ребёнка логике, он выиграет.

Такие разговоры спасали. Они сохраняли домашний ритм, которого война всё время пыталась лишить их. Но даже в смехе появилось новое: каждый понимал, что завтра может быть иначе. Подвалы. И всё же утром, вспоминая поездку на работу, он вдруг понял: тот трамвай был последним мирным трамваем в его жизни.

После полудня город уже нельзя было назвать прежним, хотя внешне он почти не изменился. Трамваи ходили по тем же рельсам, на углу торговали мороженым, возле парка дети крутили педали прокатных велосипедов, а на набережной пожилые мужчины спорили о погоде. Но у каждого радиоприёмника собирались люди. Репродукторы, ещё вчера служившие фоном, теперь стали центром улицы. Возле одного такого столба Алексей задержался на обратном пути из управления и увидел, как толпа слушает голос диктора, не двигаясь даже тогда, когда по мостовой звякнул трамвай. Кондуктор высунулся из двери, хотел крикнуть, чтобы люди отошли, но сам замолчал и прислушался.

Война входила в город не солдатами, а изменением привычек. Мужчины перестали проходить мимо газетных стендов. Женщины обсуждали не цены на рынке, а фамилии родственников, служивших на западной границе. Дворовые мальчишки, ещё неделю назад делившиеся на «красных» и «белых» в своих играх, теперь рисовали на асфальте самолёты и танки.

Даже продавщица в булочной, всегда сердившаяся на тех, кто выбирал батон подольше, в этот день никого не торопила. Люди покупали хлеб и почему-то брали на одну буханку больше.

Алексей прошёл несколько кварталов пешком. Он любил смотреть на город как инженер, мысленно разбирая его на системы. Под мостовой шли водопроводы, канализация и кабели; за фасадами работали котельные; под трамвайными рельсами лежали дренажные каналы. Мирная жизнь держалась не на площадях и памятниках, а на невидимой работе тысяч людей, которым никто не аплодировал. Война впервые заставила его подумать о том, насколько всё это хрупко. Достаточно одного разрушенного насоса, одной повреждённой подстанции, одной разбитой магистрали — и целый квартал превращался из части города в несколько каменных коробок, где невозможно ни пить, ни мыться, ни тушить пожар.

На насосной станции он застал Семёна за разборкой старого клапана. Тот ругался на ржавчину так обстоятельно, будто именно она объявила войну.

— Вы домой не собираетесь? — спросил Алексей.

— А вы?

— Собираюсь.

— Значит, и я скоро. Семён вытер руки ветошью и посмотрел на разобранный узел.

— Алексей Петрович, если правда всё это надолго, запасных частей не хватит.

— Почему не хватит?

— Потому что раньше, если что ломалось, мы писали заявку. Потом ругались. Потом писали вторую. А теперь кто нам что привезёт?

Алексей хотел сказать, что заводы работают, снабжение будет перестроено, но не сказал. Он уже видел в управлении бумаги с перечнем того, что предлагалось «сохранить на месте» и что — «подготовить к возможной эвакуации». Само слово «возможной» выглядело успокаивающе, но рядом стояли подписи, сроки и фамилии ответственных.

— Значит, придётся чинить то, что есть.

— Вот поэтому я старое и не выбрасываю, — сказал Семён.

— Молодые смеются: Семён тащит всякий хлам. А потом хлам становится запчастью. — Он показал на полку, где лежали клапаны, бронзовые втулки, куски труб и прокладки неизвестного происхождения.

— В хозяйстве нет мусора. Есть вещи, про которые ещё не поняли, зачем они нужны.

Алексей только усмехнулся и помог Семёну поднять тяжёлую крышку клапана; однако после разговора взглянул на полку со старыми деталями внимательнее.

Домой он возвращался трамваем. В вагоне было тесно. Разговоры возникали и гасли сами собой. Кто-то уверял, что немцев остановят через неделю. Мужчина с портфелем говорил, что слышал о больших потерях, но тут же добавлял, что это наверняка слухи. Женщина у окна всё время спрашивала, не объявили ли мобилизацию какого-то года рождения. Никто не знал точно, но отвечали все.

На одной из остановок вошёл молодой лейтенант. Ему сразу уступили место. Он отказался и остался стоять у двери, держа небольшую сумку между ног. Алексей заметил, что форма на нём новая, а сапоги уже натёрли пятки: молодой человек время от времени переносил вес с ноги на ногу и морщился. Две женщины напротив смотрели на него так, будто хотели спросить, куда его отправляют, но не решались. Лейтенант тоже понимал этот взгляд.

На следующей остановке он вышел, и весь вагон ещё несколько секунд смотрел ему вслед. Вечером семья ужинала у открытого окна. С улицы тянуло липой и нагретым камнем. Где-то играла музыка — старый патефон, слишком громкий для двора. Миша ковырял вилкой картошку и пытался добиться от отца ответа, сколько самолётов может прилететь одновременно.

— Откуда мне знать?

— Ты инженер.

— Я не авиационный инженер.

— Всё равно инженер.

Вера улыбнулась.

— Это диагноз. Теперь ты обязан знать всё.

Алексей посмотрел на сына. Тот действительно ждал ответа, как будто знание количества самолётов могло сделать войну понятнее.

— Много, — сказал Алексей.

— Но это не главное.

— А что главное?

Он хотел ответить: чтобы они не долетели. Но вспомнил собственное правило не обещать невозможного.

— Главное, чтобы люди знали, что делать, если начнётся тревога.

— Мы знаем.

— Что?

— Спуститься в подвал.

— Не бежать по лестнице. Не толкаться. Взять документы. Не возвращаться за вещами.

Миша кивнул с серьёзностью взрослого.

Вера наблюдала за ними и вдруг сказала:

— А если ты будешь на работе? Вопрос прозвучал просто, но Алексей понял, что она спрашивает совсем не о тревоге.

— Вы спуститесь без меня.

— А потом?

— Потом я приду.

Он сказал это автоматически. Вера посмотрела внимательно, но спорить не стала. Затем поправила сползший с колен Миши свитер. Алексей хотел повторить обещание, но она уже смотрела на сына, а не на него.

Глава 2. Первые сводки

Через неделю город научился жить от сообщения до сообщения. Утро начиналось с радио. День делился не на часы, а на сводки. Вечером люди пытались по карте понять названия мест, о которых ещё недавно почти никто не слышал. Слова «отступили», «оставили», «ведутся бои» произносили осторожно, потому что каждое из них как будто сокращало расстояние между фронтом и домом. Алексей работал по двенадцать, иногда по четырнадцать часов. Водоснабжение пока действовало нормально, но управление готовилось к тому, чего никто вслух не называл. Проверяли пожарные резервуары, старые насосы, аварийные колодцы. Там, где раньше на ремонт просили месяц, теперь давали два дня. Семён, старший слесарь насосной, встретил его утром у технического колодца.

На доске у ремонтной мастерской висели два расписания. Первое, отпечатанное ещё весной, обещало обычные летние дежурства. Второе было написано на обороте обёрточной бумаги. Четверо рабочих из прежнего списка уже ушли в военкомат. Возле фамилии одного оставили пустую строку: никто не знал, придёт ли вместо него другой. Семён, поправляя булавку на новом листе, обнаружил, что ночной ремонт водовода теперь должны выполнять трое, хотя прежде для него требовалось шестеро. Он молча снял старое расписание, сложил и сунул в карман. Не пригодится, но выбросить было жалко.

— Война хороша для хозяйства.

Алексей посмотрел.

— Что?

— Всё, что пять лет нельзя было починить, теперь приказали починить к вечеру.

— Очень смешно.

— Я не смеюсь.

Семён был лет на десять старше Алексея, крепкий, медлительный в движениях и быстрый в оценках. Он редко спорил с начальством, но это не означало согласия. Просто считал спор ещё одной работой, за которую никто не платит.

— Кирпич привезли?

— Половину.

— Цемент?

— Треть.

— Люди?

— Все.

— Значит, повезло.

— Вот теперь вы шутите.

Они спустились в старую подземную камеру, где по документам должна была проходить резервная линия. Часть стены была заложена кирпичом позже основной кладки. Алексей провёл рукой по шву.

— За ней пустота.

— Откуда знаете?

— Звук. Семён постучал молотком.

— Похоже.

— Пробиваем.

Через час открылся узкий коридор. Воздух из него пах землёй и сыростью, но не затхлостью. Значит, где-то была вентиляция или другой выход. Фёдор, молодой рабочий, посветил внутрь.

— Чёрт.

— Что?

— Там дверь. Действительно, через несколько метров стояла металлическая дверь. На ней висел замок.

Алексей подошёл.

— Новый.

— Насколько новый? — спросил Семён.

— Не довоенный точно не скажу. Но не такой старый, как всё вокруг.

— Значит, кто-то пользуется.

Алексей посмотрел на него.

— Возможно.

— Или?

— Или замок повесили десять лет назад и забыли. Семён усмехнулся.

— Вы всегда выбираете скучное объяснение.

— Оно чаще верное.

— До войны — может быть.

Замок не тронули. У них была другая задача. Но весь день Алексей возвращался мыслью к двери. В городе между тем исчезала прежняя лёгкость. Плакаты о бдительности появились у заводов и вокзала. Ночами дежурили на крышах. Окна начали заклеивать полосами бумаги. Во дворах люди рыли щели и убежища. Женщины учились тушить зажигательные бомбы песком. Дети сначала воспринимали это как игру, и взрослым приходилось ругать их за смех. Первая настоящая воздушная тревога застала Воронцовых ночью. Сирена поднялась над городом так неожиданно, что Алексей сначала решил, что это заводской гудок. Потом звук стал нарастать. Вера уже была на ногах.

— Миша! Из комнаты:

— Я не сплю!

— В подвал.

Алексей взял приготовленную сумку. На лестнице было темно. Соседи спускались быстро, кто-то в пальто поверх ночной рубашки, кто-то с подушкой, кто-то с ребёнком на руках. Савченко стоял у подвальной двери и направлял людей.

— Не толпимся. Всем места хватит. Если не хватит — потеснимся, мы ещё не немцы. Кто-то нервно засмеялся. Подвал был тесным. Пахло картошкой, углём и людьми. Лампа под потолком качалась.

Миша устроился рядом с Алексеем.

— Пап.

— Что?

— Здесь можно пройти в соседний дом.

Алексей повернулся.

— Откуда знаешь?

— Мы ходили.

— Кто «мы»?

— Я, Колька и Сенька.

— Когда?

— Давно.

— Насколько давно?

— До войны.

Вера тихо сказала:

— Очень точная система датировки.

Миша не оценил.

— Там за угольной кучей кирпичи выбиты. Потом ещё одна комната. Потом дверь.

— Закрытая?

— Нет.

— И куда?

— В соседний подвал.

Алексей перевёл взгляд на стену.

— Завтра покажешь.

— Правда?

— Если я сказал.

— А дальше там ещё есть.

— Сколько?

Миша пожал плечами.

— Много.

Где-то далеко раздался глухой удар. Подвал замолчал. Вторая детонация была ближе. Лампа качнулась. Женщина в углу перекрестилась. Рядом мужчина сердито сказал:

— Не надо.

— Что не надо?

— Паниковать. — Она посмотрела на него.

— Я молюсь.

Мужчина отвёл глаза. После отбоя люди ещё долго не расходились. Утром Миша показал проход. За угольной кучей действительно была разбитая кирпичная перегородка. Потом низкая комната с давно сгнившими полками. Дальше коридор.

— Колька говорит, раньше все дома были соединены.

— Колька много говорит.

— Но здесь же соединены.

— Здесь — да. В соседнем подвале на стене мелом был нарисован круг.

— Это что?

— Колькин знак.

— Зачем?

— Чтобы не перепутать.

— Что перепутать?

— Дороги.

Алексей посмотрел на сына.

— Сколько у вас знаков?

— У каждого свой.

— Твой какой?

Миша взял кусок мела и нарисовал две вертикальные черты, потом косую.

— Вот.

— Почему такой?

— Просто.

— Очень инженерный ответ.

— Я же твой сын.

Алексей хотел улыбнуться, но почему-то не получилось. Он увидел в детской игре то, чего раньше не замечал: структуру. Дети уже создали собственную систему навигации по пространству, которого не существовало на официальных картах. Вечером Алексей достал старые планы. Положил рядом Мишин рисунок. Несколько совпадений были слишком точными.

— Что делаешь? — спросила Вера.

— Смотрю.

— Это я вижу. — Он показал.

— Вот наш дом. Вот соседний. По старой схеме между ними должен быть технический проход.

— И он есть.

— Да.

— А это?

— Старый коллектор.

— Работает?

— Не знаю.

— Опять.

Миша сидел рядом.

— А ещё три подвала есть. Колька показывал. В одном кошка живёт.

Алексей поднял глаза.

— Нарисуй.

— Сейчас?

— Сейчас.

К полуночи на столе лежала детская карта квартала. Она была неточной, с кривыми линиями и смешными обозначениями. Но главное было понятно: под домами существовала связность, которой официальная схема почти не показывала. Вера долго смотрела.

— У вас получается второй город.

Алексей поднял глаза.

— Что?

— Один наверху. Один внизу.

Миша улыбнулся. На следующий день Алексей действительно заставил Мишу показать все известные проходы в пределах квартала. Они шли втроём — Алексей, Миша и Савченко. Дворник взял связку ключей, которая звенела у него на поясе так громко, что Миша спросил, зачем ему столько.

— Чтобы люди думали, будто я всё могу открыть.

— А ты можешь?

— Нет. Но людям спокойнее.

В первом подвале они обнаружили старую кирпичную арку, заложенную досками. Во втором — узкий проход между стеной и котельной трубой. В третьем путь перекрывала мебель, которую жильцы складировали десятилетиями. Алексей раздражался не из-за препятствий, а из-за хаоса. Для него любая система должна была иметь структуру. Подземелье сопротивлялось структуре: здесь каждый год кто-то переносил стену, ставил дверь, заваливал проход, делал кладовку там, где по старому плану шла галерея.

— Вот поэтому дети знают лучше, — сказал Миша.

— Почему?

— Мы не смотрим на планы.

— Это не преимущество.

— А мы проходим там, где можно.

Савченко хмыкнул.

— Мальчишка прав. Бумага знает, где дверь должна быть. Нога знает, где она есть.

Алексей посмотрел на него.

— Вы сговорились?

— С детьми сложно сговориться. Они слишком дорого продаются. В соседнем доме им открыла пожилая женщина, которая сначала отказалась пускать в подвал.

— Там мои банки.

— Какие банки?

— Нормальные. С огурцами.

— Нам нужен проход.

— Вот ещё. Огурцы ваши немцы есть будут?

Савченко вмешался:

— Прасковья Тимофеевна, если дом загорится, вы банки на себе понесёте?

— А ты не каркай.

— Я дворник, мне положено.

В конце концов дверь открыли. За рядами банок действительно обнаружилась низкая арка. Такие мелочи постепенно складывались у Алексея в другое представление о городе. Официальные схемы показывали инженерную задумку. Реальные подвалы показывали человеческую жизнь, которая десятилетиями меняла эту задумку под себя. Именно поэтому невозможно было просто взять старый план и считать его дорогой. В управлении тем временем всё чаще говорили о резервных источниках воды. На случай разрушения магистралей проверяли колодцы, старые скважины, цистерны. Алексей получил список из двадцати семи объектов, половина которых существовала только на бумаге. Семён смотрел на список.

— Вот этот колодец засыпали ещё при царе.

— Откуда знаете?

— Мой дед ругался, что зря.

— Ваш дед?

— А что? У нас семья тоже старая коммуникация.

Алексей усмехнулся. Война неожиданно делала полезным то, что мирное хозяйство считало устаревшим: старые колодцы, ручные насосы, забытые склады, подвалы, люди, помнившие устройство города до перестроек. Современность отступала, и из-под неё проступал старый город, словно изображение под слоем новой краски. Вечером Миша продолжал карту. Он придумал обозначать закрытые проходы крестом, низкие — короткой чертой, места, где взрослому трудно пролезть, — кружком с точкой.

— А если взрослый худой? — спросил Алексей.

Миша задумался.

— Тогда пролезет.

— Значит, знак неточный.

— Ты всё усложняешь.

— Карта должна быть точной.

— Нет. Карта должна помогать.

Эта фраза осталась у Алексея в памяти, хотя тогда он не придал ей значения. Позже именно это станет одним из принципов подземных маршрутов: карта, которая слишком точна, опасна; карта, которая помогает следующему человеку пройти участок, достаточно хороша. Но пока они просто сидели на кухне. Вера зашивала разорванный рукав халата. Радио говорило о боях. За окном было жарко. И на несколько минут всё снова казалось семейным вечером. Первые сводки влияли на город не только страхом. Они меняли речь. Люди всё чаще говорили «до войны», хотя война началась совсем недавно. «До войны я собирался ремонтировать крышу». «До войны сын хотел поступать». «До войны мы откладывали деньги». Всего несколько недель отделяли прежнюю жизнь, а звучало так, будто прошли годы. Миша однажды спросил:

— А мы тоже теперь говорим «до войны»?

— Иногда, — ответила Вера.

— Но это же недавно.

— Для времени недавно. Для жизни — не очень.

Он не понял полностью, но запомнил. Алексей начал брать сына на короткие безопасные осмотры подвалов именно потому, что понял: запрет не отменяет детское любопытство. Лучше показать опасность, чем оставить её приключением.

— Видишь трещину?

— Да.

— Почему не лезем?

— Может обвалиться.

— Вот. А здесь?

— Вода.

— Не только. Провод низко.

Миша постепенно учился смотреть не как мальчишка, а как наблюдатель. Это одновременно радовало и пугало Алексея. Однажды они встретили в подвале двух незнакомых подростков. Те замерли, увидев взрослого.

— Что делаете?

— Ничего.

— «Ничего» обычно не требует фонаря.

Оказалось, искали краткий путь к соседнему двору. Алексей выгнал их, но потом задумался: количество людей, знающих о проходах, было гораздо больше, чем он предполагал. Савченко сказал:

— Подвалы никогда не были тайной. Тайной бывает только то, кто сегодня через них идёт.

Тогда Алексей просто записал ещё одну дверь. Водоснабжение пока держалось, но оборудование начинало работать без нормального обслуживания. Запчасти уходили на фронт, специалисты — в армию. В мастерской становилось пусто. Семён однажды посмотрел на ряд свободных верстаков.

— Скоро будем чинить всё молотком.

— Почему молотком?

— Потому что он последний останется.

— И то если не заберут.

— Вот видите, учитесь оптимизму.

Работа становилась импровизацией. Именно в этой среде Алексей начал ценить людей, способных не по инструкции восстановить старую систему. Семён, Савченко, рабочие старшего поколения знали то, чего не было в документах. Город постепенно переходил от культуры правил к культуре памяти.

В следующие дни управление превратилось в место, где город пытался заранее представить собственные разрушения. На больших листах отмечали пожарные резервуары, возможные места обрывов магистралей, станции, которые должны были продолжать работу при отключении электричества. Люди, привыкшие рассчитывать плановый расход воды на квартал, теперь обсуждали, сколько часов продержится больница, если остановится насосная станция.

Королёв собрал инженеров в кабинете. На столе лежала схема города, испещрённая красными и синими карандашными линиями.

— Основная задача — резервирование, — сказал он.

— Никакой красивой работы. Нужно, чтобы при повреждении одного участка соседний мог жить хотя бы несколько часов. Тарасов спросил:

— А если повреждение массовое?

Королёв посмотрел на него.

— Тогда будем чинить массово. Никто не улыбнулся.

Алексей получил центральный и восточный районы. Он ходил по насосным, дворам и техническим помещениям, которые прежде видел только на бумаге. В каждом обнаруживалось что-нибудь, не совпадавшее с чертежами. Где-то трубу переложили ещё в двадцать девятом году, но изменения не внесли в архив. Где-то старый колодец засыпали наполовину и превратили в склад. В одном доме жильцы сами пробили проход между двумя подвалами, чтобы таскать уголь, и теперь не могли вспомнить, кто именно это сделал.

— Город живёт быстрее бумаги, — сказал Семён, когда Алексей в очередной раз ругался на неточный план.

— Бумага должна догонять.

— Вы ей это объясните.

Они стояли в подвале школы. Над ними скрипели скамьи: классы освобождали под временный пункт размещения эвакуированных из западных районов. На полу лежали свёрнутые матрасы, ведра, детские вещи. В углу женщина укачивала ребёнка и тихо напевала. Алексей впервые увидел людей, для которых война уже означала потерянный дом, а не сводку по радио. Семён тоже смотрел на них.

— Из-под самой границы, говорят.

— Кто?

— Эти.

— Откуда знаешь?

— Женщина сказала.

Алексей хотел спросить подробнее, но остановился. Ему показалось неприличным превращать чужую беду в сведения. В тот день произошла первая воздушная тревога, которую никто уже не принял за учебную. Сирены завыли около трёх часов дня. Сначала один гудок, потом второй, и почти сразу город словно споткнулся. Трамваи остановились. Кондукторы открыли двери. Люди побежали к подъездам и укрытиям. На улице послышались команды дежурных. Алексей находился в техническом дворе. Семён поднял голову.

— Ну вот.

— В подвал.

— Мы и так в подвал собирались.

Они спустились вместе с рабочими. Через несколько минут в помещение начали заходить жильцы соседнего дома. Кто-то принёс стул, кто-то — свёрток с документами, одна женщина тащила кастрюлю, пока другая не выругалась и не заставила её оставить посуду наверху. Дети сначала возбуждённо шептались, потом замолчали, когда далеко послышался глухой удар.

Алексей прислушался. Он ещё не умел определять расстояние до взрыва, но понял, что удар был настоящим. Женщина рядом спросила:

— Это сюда?

— Нет.

— Откуда знаете?

Он не знал. Просто увидел её лицо и ответил.

— Далеко.

Это была маленькая ложь, произнесённая без раздумий. Алексей не стал искать ей оправдания и продолжил работу.

Тревога длилась меньше часа. Когда люди вышли, улицы выглядели так же, как прежде, и от этого было странно. Где-то далеко поднимался дым, но здесь окна были целы. Трамваи снова двинулись. Продавщица вернулась к киоску. Жизнь словно получила разрешение продолжаться.

Вечером Алексей нашёл в архиве папку с дореволюционными схемами водоотведения. Бумага была плотной, пожелтевшей, с аккуратными чернильными линиями. Некоторые галереи обозначались пунктиром и уходили под кварталы, где современные планы показывали только подвалы отдельных домов. В углу одного листа стояла дата — 1912 год. Тарасов заглянул через плечо.

— Ищете клад?

— Старый водосбор.

— Одно другому не мешает.

Алексей провёл пальцем по линии.

— Здесь должна быть галерея. Но на новой схеме её нет.

— Значит, засыпали.

— Или забыли.

— Город ничего не забывает. Люди забывают.

Фраза показалась Алексею красивой, но не практичной. Он переписал координаты в блокнот. Дома Миша разложил на столе собственный лист в клетку. На нём были квадраты домов и стрелки между ними.

— Что это?

— Подвалы.

— Чьи?

— Наши.

— В смысле?

— Наш и соседние.

Алексей сел рядом.

— Ты откуда знаешь, что они соединяются?

— Ходили.

— Кто «ходили»?

— Я, Колька и Сенька.

— Когда?

— Весной.

— Куда именно?

Миша показал. Два дома, потом третий, потом стрелка к старой котельной.

Алексей почувствовал сначала раздражение, затем профессиональное любопытство.

— Здесь стена.

— Есть дырка за дровами.

— А здесь?

— Дверь. Она без ручки, но если тянуть снизу, открывается.

— Ты понимаешь, что это опасно?

— Теперь понимаю.

— Почему теперь?

Миша пожал плечами.

— Потому что ты спрашиваешь как на работе.

Вера, слушавшая из кухни, засмеялась.

— Тебя разоблачили.

Алексей не улыбнулся. Он вдруг увидел сходство между старой архивной схемой и детским рисунком. Там, где официальная карта заканчивалась стеной, у мальчиков существовал проход. Алексей попросил Мишу показать, с какой стороны входили в последний подвал, и мальчик провёл пальцем линию совсем не там, где её ожидал отец.

— Я же говорил.

Коля показал ладонью, где на старом дворе кончалась дорожка и начиналась щель между стенами. Алексей невольно сделал в уме отметку.

Глава 3. Карты подвала

К середине июля подвалы перестали быть хозяйственными помещениями. В них принесли скамейки, вёдра с водой, аптечки и песок. На стенах мелом писали номера подъездов. У входов назначали ответственных. Люди, которые ещё месяц назад спорили из-за места для картошки, теперь обсуждали, сколько человек поместится между угольной ямой и стеллажами. Город привыкал к войне так, как человек привыкает к постоянной боли: не потому, что становится легче, а потому, что невозможно всё время жить на пределе. Трамваи ходили реже. На улицах стало больше военных. У вокзала постоянно стояли люди с чемоданами. Кого-то провожали, кто-то ждал поезд, который мог не прийти. Магазины ещё работали, но очереди удлинялись. Исчезало то одно, то другое. Люди начали покупать спички, соль, мыло, керосин — вещи, о которых в мирной жизни вспоминали только тогда, когда они заканчивались.

На двери одного из убежищ кто-то повесил лист из школьной тетради: «После сигнала тревоги не толпиться». Утром бумага висела ровно, к обеду нижний угол отклеился, а к вечеру на ней уже были карандашные поправки жильцов. В первом подъезде попросили освободить место для носилок; во втором возмутились, что из погреба выносят картофель. Алексей заставил открыть обе двери одновременно и проверил, пройдёт ли между скамьями человек с ребёнком на руках. Не прошёл. Скамью переставили, хотя её хозяин долго доказывал, что это личная вещь. Впервые за много лет в подвальном плане для Алексея появилось то, чего нельзя было начертить линейкой: очередь людей у узкого входа.

Проверка подвалов быстро перестала быть формальностью. Алексей ожидал увидеть одинаковые помещения с угольными ямами, трубами и кладовыми, но каждый дом имел собственную биографию, застывшую в кирпиче. В одном подвале сохранились арочные своды старого купеческого дома. В другом дореволюционную кладку рассекала новая бетонная перегородка. Под третьим домом обнаружилась засыпанная лестница, которая когда-то вела во двор давно снесённого флигеля.

С ним ходили Семён и молодой техник Фёдор. Фёдор всё пытался наносить находки на современную схему с линейкой.

— Не сходится, — говорил он.

— Конечно, не сходится, — отвечал Семён.

— Дом строили одни, перестраивали другие, чертил третий, а ты хочешь, чтобы через тридцать лет сошлось до сантиметра.

— Тогда зачем планы?

— Чтобы знать, где ошибаться.

Алексей сделал вид, что не слышит. Но в блокноте всё чаще появлялись не точные размеры, а пометки: «проверить на месте», «возможен ход», «кладка поздняя», «за стеной пустота». В подвальном коридоре дома номер двадцать семь они впервые обнаружили дверь, которой не должно было быть. Железная, узкая, утопленная в кирпич. Замок выглядел новее самой двери. Фёдор потянулся к нему.

— Не трогай.

— Почему?

— Потому что закрыто не нами. Семён присел, посмотрел на пол.

— Ходят.

— Откуда?

— Пыль у порога сбита.

Алексей постучал. За дверью сначала было тихо, потом что-то едва слышно шевельнулось.

— Есть кто-нибудь? Из-за двери не ответили сразу. Потом женский голос спросил:

— Кто?

— Городское хозяйство. Проверяем подвал.

— Здесь ничего нет. — Фёдор посмотрел на Алексея.

— Откройте, пожалуйста.

— Не могу.

— Почему?

— Ключ не у меня.

Ответ прозвучал слишком быстро. Семён отвёл глаза, давая понять, что услышал то же. Алексей мог вызвать дворника, потребовать открыть помещение, составить акт. Вместо этого сказал:

— Если будет воздушная тревога, этот коридор должен оставаться свободным.

— Будет.

Они ушли. На лестнице Фёдор спросил:

— Почему не открыли?

— Потому что мы проверяем проходы, а не чужие вещи.

— А если там что-то опасное?

— Тогда узнаем, когда будет основание. Семён усмехнулся.

— Учитесь, Федя. Это называется «не видеть лишнего».

Алексей резко сказал:

— Это называется заниматься своей работой. Но вечером он всё-таки отметил дверь на карте.

Дни становились жарче. Воздушные тревоги случались чаще. Город обрастал мешками с песком, стрелками к убежищам, заклеенными крест-накрест окнами. У некоторых домов дежурили жильцы с вёдрами и баграми. Во дворах учили тушить зажигательные бомбы. Люди делали это неловко, шутя и споря, но в шутках уже не было прежней лёгкости.

Однажды Алексей возвращался после проверки и увидел, как на площади дети помогают взрослым наполнять мешки песком. Миша тоже был там.

— Ты почему не дома?

— Помогаю.

— Кто разрешил?

— Мама.

Вера, оказавшаяся рядом, сказала:

— Не мама. Он уже был здесь, когда я его нашла.

— Отлично.

Миша опустил голову.

— Я не далеко.

— Дело не в расстоянии.

— А в чём?

Алексей посмотрел вокруг. На площади были десятки людей. Казалось бессмысленным запрещать сыну делать то, что делали все.

— В том, что теперь ты говоришь, куда идёшь.

— Хорошо.

— Всегда.

— Хорошо.

Вера дождалась, пока Миша отойдёт, и тихо сказала:

— Ты пытаешься контролировать войну через расписание ребёнка.

— Я пытаюсь хотя бы знать, где он.

— Знаю.

Она коснулась его руки.

— Я тоже.

В архиве Алексей начал накладывать планы разных лет один на другой. На окне закреплял листы так, чтобы дневной свет просвечивал бумагу. Современные улицы совпадали, а подземные линии разбегались. Некоторые коллекторы исчезали с карт после реконструкций, но физически могли оставаться. Подвалы домов, стоявших когда-то отдельно, оказывались на месте старых складских галерей. Чем дольше он работал, тем яснее видел: под городом нет единой системы. Есть слои.

Слой старых водостоков. Слой дореволюционных подвалов. Слой новых коммуникаций. Случайные проходы, пробитые жильцами. Замурованные двери. Забытые шахты. Он принёс одну из схем домой. Вера посмотрела.

— Красиво.

— Это не картина.

— Я вижу.

— Тогда почему красиво? Она провела пальцем над линиями, не касаясь бумаги.

— Потому что похоже на кровеносную систему.

— Скорее на кишечник.

— Ты неисправим.

Миша заглянул через плечо.

— Это карта второго города.

Алексей задержал на нём взгляд.

— Какого ещё второго?

— Ну этого. Который под первым.

Фраза прозвучала детски и точно. Алексей даже хотел записать её, но не стал. Позже ночью он долго сидел над картами один. За окном прошла машина. Где-то хлопнула дверь. Город наверху спал беспокойно, но всё ещё существовал в привычных координатах — улица, дом, площадь, вокзал. На столе перед ним лежал другой город, где улиц не было. Только линии, тупики, соединения и пустоты.

Ему казалось, что он изучает инфраструктуру. На самом деле он уже начинал изучать пути. Королёв вызвал Алексея утром.

— Есть новое распоряжение. Проверить подвалы центральных кварталов.

— На что?

— Связность. Вместимость. Возможность прохода между домами на случай пожаров и завалов.

Алексей задержал взгляд.

— Кто придумал?

— Какая разница?

— Большая. Если человек понимает старую застройку, можно говорить предметно.

— Не понимает.

— Тогда будет весело.

Королёв усмехнулся.

— Берите старые планы. Вот вам официальное разрешение ковыряться в своих подземельях.

Алексей работал три дня почти без перерыва. Он наложил друг на друга планы разных лет. 1910-й. 1912-й. 1916-й. Потом 1924-й, 1931-й и современную схему. Город наверху менялся постоянно. Улицы расширяли. Дома сносили. Дворы перестраивали. Названия менялись. Внизу всё менялось медленнее. Старый кирпичный коллектор мог пережить владельца дома, революцию, перепланировку квартала и новое назначение здания. Засыпанный ход иногда оставался проходимым с другой стороны. Дверь закладывали кирпичом, но сама галерея продолжала существовать. Алексей начал видеть город слоями. Это завораживало. И тревожило. Их собственный квартал оказался особенно сложным. Семь домов имели старые подвальные связи. Дальше сеть уходила к бывшей котельной, от неё — к ливневому коллектору.

— Для чего это строили? — спросил Тарасов, заглядывая через плечо.

— Для обслуживания.

— Всего?

— А что вы хотите?

— Чтобы было интереснее.

— В инженерии «интереснее» обычно означает «дороже». Тарасов провёл пальцем по линии.

— А если немцы придут, по этому можно уйти?

Алексей поднял глаза.

— Зачем вы это сказали?

— Что?

— Именно так.

— Да просто.

— Не просто. Тарасов убрал руку.

— Ладно. Забудьте.

Но Алексей не забыл. С Семёном и двумя рабочими они начали обход. Первый проход был чистым. Второй частично засыпан. Третий затоплен. В четвёртом стояла старая мебель, которую пришлось разбирать. В пятом обнаружилась дверь с новым замком.

— Опять, — сказал Семён.

— Не тот же замок.

— Я не про замок. Я про людей, которые любят запирать старые двери.

Алексей постучал. Тишина. Потом из-за двери женщина спросила:

— Кто?

— Городское хозяйство.

— Что надо?

— Открыть.

— Зачем?

— Проверка подвала.

Долгая пауза. Дверь открылась на цепочку. Женщина лет сорока смотрела испуганно. За ней Алексей увидел два чемодана и свёрнутые одеяла.

— Мы ничего не нарушаем.

— Я не милиция.

— А кто?

— Инженер.

— Сейчас все говорят, что инженеры. Семён тихо сказал:

— Это новая форма преступности.

Женщина не улыбнулась.

Алексей показал удостоверение. Она открыла шире. За дверью оказался маленький сухой подвал, из которого действительно шёл коридор дальше.

— Вы здесь живёте?

— Нет.

— Тогда зачем вещи? — Она посмотрела на чемоданы.

— На случай тревоги.

Ответ был правдой. Но не всей. Алексей не стал спрашивать. В тот день он впервые подумал, что подвалы меняют назначение ещё до того, как кто-то отдаёт приказ. Люди сами начинают приспосабливать пространство под страх. К вечеру выяснилось: из семи запланированных связей пять проходимы. Один коридор можно было восстановить за день. Ещё один требовал серьёзной расчистки. Королёв просмотрел отчёт.

— Делайте шестой.

— Зачем?

— Вы сами написали: при завале улицы даст проход в соседний двор.

— Людей мало.

— Возьмите двух из ремонтной бригады.

— Там магистраль.

— Воронцов.

— Что?

— Не пытайтесь спасти весь город одним списком приоритетов.

Алексей поднял глаза.

— А кто тогда?

Королёв устало усмехнулся.

— Вот за это я вас иногда не люблю. Дома Алексей разложил планы на столе.

Миша сел рядом.

— Мой лучше.

— Твой красивее.

— Нет, лучше.

— Почему?

— Потому что здесь есть то, чего у тебя нет. — Он показал маленькую линию между двумя домами.

— Откуда?

— Колька нашёл.

— Когда?

— Весной.

— Покажешь?

Миша улыбнулся.

— Ты же запрещал туда ходить.

— Теперь разрешаю показать. Это не значит ходить самому.

— Удобно.

— Очень.

Вера принесла чай.

— Вы опять строите второй город?

— Проверяем первый снизу.

— Разница большая?

Алексей перевёл взгляд на стол.

— Пока да.

В ту ночь впервые стало слышно далёкую артиллерию. Не бомбёжку. Именно фронт. Очень далеко, на грани слуха. Алексей стоял у открытого окна. Вера подошла.

— Это оно?

— Похоже.

— Далеко?

— Да.

Он не добавил: пока. На столе за их спинами лежала карта без улиц. Только подвалы, коллекторы и линии.

Работа с подвалами вывела Алексея за пределы собственного квартала. Он начал видеть, насколько различается город снизу. В старых купеческих домах подвалы были просторными, с кирпичными сводами и толстыми стенами. В домах, построенных позже, технические помещения делали теснее. Где-то сохранились ледники, где-то угольные склады, где-то старые печные ходы. Под фабричными корпусами тянулись галереи, рассчитанные на трубы и кабели. Под церковью, давно закрытой, обнаружилась крипта, превращённая в склад. Каждый район имел собственный подземный характер, как будто город продолжал социальную географию и после того, как исчезали вывески и фасады. В одном из домов они встретили старого техника, который отказался смотреть на план.

— Там неправильно.

— Почему?

— Потому что после тридцать второго стену перенесли.

— Где?

— Пойдёмте покажу.

И действительно, за шкафом находилась дверь, которой не было ни на одной схеме. Алексей начал записывать подобные сведения отдельно. Сначала в рабочую тетрадь, потом понял,

что записи становятся слишком подробными. Он переписал только основные точки, а остальное пытался помнить. Королёв однажды заметил:

— Вы стали ходить как человек, который всё время считает шаги.

— Иногда считаю.

— Зачем?

— Чтобы понимать расстояния в подвале.

— С ума сойдёте.

— Пока нет.

— Не говорите «пока». Сейчас это плохое слово.

Такие разговоры стали обычными. Люди шутили именно о том, чего боялись. Смех не уменьшал страх, но давал возможность находиться рядом с ним. Фронт медленно приближался. Из пригородов начали приходить первые беженцы. Они рассказывали разное: кто-то видел самолёты, кто-то сгоревшие деревни, кто-то отступающие части. Истории противоречили друг другу, но у всех было одно общее качество — они приносили войну ближе. Вечером на рынке Алексей видел женщину, продававшую семейную посуду. Рядом стоял мальчик и держал клетку без птицы.

— Куда едете? — спросила знакомая продавщица.

— На восток.

— К кому?

— Не знаю.

Эта простая формула — «на восток, не знаю к кому» — стала почти городской молитвой. Дома Вера всё чаще приходила ночью. Миша оставлял ей на столе еду и записки: «Мама, суп в кастрюле». Иногда она не ела. Алексей находил тарелку утром нетронутой. Однажды сказал:

— Так нельзя.

— Что?

— Ты перестала есть.

— Неправда.

— Я вижу.

— А я вижу, что ты перестал спать.

— Это другое.

— Конечно. У мужчин всё другое.

Миша, сидевший рядом, сказал:

— Вы оба одинаковые. — Они посмотрели.

— Что?

— Каждый говорит другому делать то, чего сам не делает.

Вера рассмеялась первой. Такие минуты удерживали семью от ощущения, что война уже полностью вошла в дом. На работе Алексей постепенно начал выделять на карте места, пригодные как временные убежища. Не по приказу. Для себя. Сухие помещения. Выходы в два двора. Наличие воды. Возможность вентиляции. Он не называл это маршрутом эвакуации. Слово казалось слишком серьёзным. Но когда однажды Тарасов снова спросил, можно ли будет уйти под землёй, Алексей уже не отмахнулся.

— Несколько кварталов — да.

— А дальше?

— Не знаю.

— Значит, надо узнать.

Алексей задержал на нём взгляд.

— Зачем? Тарасов пожал плечами.

— Потому что иногда полезно иметь дверь, про которую другие забыли.

В тот момент Алексей впервые ощутил, что его профессиональное любопытство уже перестало быть только профессиональным. Архивные планы открыли Алексею ещё одну вещь: город в разное время строился с разными представлениями о безопасности. Старые подвалы часто имели два выхода — не из-за войны, а из-за пожаров. Галереи между домами создавали для обслуживания котельных. В некоторых дворах существовали проходы для угольных тележек. То, что сейчас могло спасти человека, когда-то строили по совершенно другим причинам. Он рассказал об этом Вере.

— Значит, прошлые люди случайно оставили нам запасные двери?

— Можно сказать так.

— Красиво.

— Ничего красивого. Просто устройство зданий.

— Вот поэтому с тобой невозможно. — Она улыбнулась.

Миша слушал и сказал:

— А вдруг мы тоже что-нибудь оставим тем, кто будет потом?

Алексей перевёл взгляд на сына.

— Например?

— Знак.

Тогда фраза показалась детской. В одном из осмотров они нашли старую надпись на кирпиче — имя и год, выцарапанные задолго до революции. Алексей долго смотрел. Человек, оставивший её, не мог представить ни эту войну, ни их разговор. Савченко сказал:

— Видите? Все думают, что строят для себя. Потом оказывается — для следующих.

— Вы сегодня философ.

— Плохо позавтракал.

Война ускоряла разрушение официальной памяти. Архивы готовили к эвакуации. Часть документов уже запаковали. Алексей, понимая, что нужные схемы могут исчезнуть, сделал несколько копий от руки. Королёв увидел.

— Что это?

— Рабочие копии.

— Домой понесёте?

— Да.

— Неофициально советую: не храните всё вместе.

Алексей поднял глаза.

— Почему?

— Потому что архив может сгореть здесь. Дом — там. Бумага вообще вещь ненадёжная.

Он разделил планы между рабочим столом и квартирой. Сам удивился, что сделал это не из-за ведомственного порядка: слишком легко теперь было потерять в один день и дом, и архив. На обороте одного плана отпечатался след чайной кружки. Алексей хотел стереть его, но, взглянув на соседнюю колонку с отметками подвалов, спрятал лист в папку как есть.

Глава 4. Эвакуация

Слово «эвакуация» сначала звучало как технический термин. Эвакуировать оборудование. Архив. Детские учреждения. Госпитали. Заводские станки. Потом у слова появились лица. На вокзале стало невозможно пройти. Люди сидели на чемоданах, узлах, деревянных ящиках. Дети спали на вещах. Старики держали документы в руках, будто боялись, что бумага исчезнет, если убрать её в карман. Поезда приходили уже переполненными и уходили ещё более переполненными. Город пах угольным дымом, потом и человеческим ожиданием. В управлении вывесили списки сотрудников, подлежащих эвакуации вместе с семьями. Алексея в списке не было. Королёв объяснил коротко:

— Специалисты водоснабжения остаются до отдельного распоряжения.

— Понятно.

— Не делайте такое лицо.
— Какое?
— Как будто я лично вас оставил.
— А вы?
Королёв помолчал.
— Тоже.

В тот же день Вере предложили два места — ей и Мише. Она принесла бумаги домой и положила на стол.

Алексей прочитал.
— Когда?
— Завтра ночью.
— Хорошо.
Вера посмотрела.
— Что хорошо?
— Вы поедете.
— Кто «вы»?
— Ты и Миша.
— А ты?
— Потом.
— Когда?
— Как отпустят.
— То есть не знаешь.
— Нет. — Она села.
— Меня тоже не отпускают.
Алексей поднял глаза.
— Но места дали.
— Места дала эвакуационная комиссия. Больница дала другое распоряжение.
— Какое?
— Врачи остаются до вывоза последней группы раненых.
— Тогда Миша едет один. Из комнаты сразу:
— Нет.
Алексей закрыл глаза.
— Мы тебя не спрашивали.
Миша появился в дверях.
— А я всё равно слышал.
— Поедешь.
— Нет.
— Это не обсуждается.
— К кому?
Алексей замолчал.
— Вот. К кому я поеду?
— Будут сопровождающие.
— Они мои родственники?
— Нет.
— Тогда зачем?
Вера тихо сказала:
— Лёша.
Он повернулся.
— Что?

— Он прав в одном. Мы отправим десятилетнего мальчика в неизвестность одного.

— Здесь известность лучше?

— Нет.

— Тогда?

Она провела руками по лицу.

— Не могу сказать.

На следующий день они всё-таки поехали на вокзал. Не потому, что решение было принято, а потому, что не принято. Миша нёс маленький чемодан. Вера — сумку. Алексей шёл рядом. У станции стоял шум, который невозможно было разделить на отдельные звуки. Паровозы. Крики. Имена. Плач. Команды. Скрип тележек. Люди искали вагоны, места, родственников. Вера посмотрела на поезд.

— Я не могу.

Алексей понял сразу, о чём она.

— Из-за больницы?

— И из-за него.

Миша стоял чуть дальше.

— Если посадим одного, я потом всю жизнь буду думать, куда отправила собственного сына.

— А если останемся, можешь всю жизнь не получить. — Она посмотрела на мужа.

— Ты специально говоришь самое страшное?

— Чтобы мы не притворялись.

— Иногда я ненавижу твою честность.

— Я тоже.

Миша подошёл.

— Я не поеду.

Алексей хотел снова приказать. Но вокруг было столько детей без отцов, матерей, без понимания, куда едут, что слова застряли. У двери вагона железнодорожник уже сворачивал список посадки. Он дважды назвал Веру по фамилии и, не получив ответа, поставил напротив неё короткую черту. Алексей увидел, как тот же карандаш мгновение спустя вычеркнул следующую строку: освободившееся место досталось женщине с двумя детьми. Никакой торжественности в этом не было. Просто чужая рука изменила судьбу ещё одной семьи на мятых листах. Поезд ушёл без Веры и Миши. Они стояли на платформе, пока последний вагон не исчез. Алексей чувствовал одновременно страх, стыд и облегчение. Стыд был хуже всего. Он радовался, что семья остаётся рядом. Хотя разум говорил, что радоваться нечему. Домой шли пешком. Трамваи уже почти не ходили. На улицах строили баррикады. У перекрёстков лежали мешки с песком. В сквере женщины рыли щели. Подростки таскали доски. Город становился военным не сразу, а по мелочам. Исчезли яркие вывески. Окна затемнили. На крышах появились наблюдатели. Вечером нельзя было зажигать свет без плотных штор. Ночью улицы становились чёрными, и знакомый квартал приходилось узнавать по форме домов. Вера вернулась в больницу на следующий день. Алексей — в управление.

Миша остался дома и впервые не спорил. Через неделю Алексей сжёг эвакуационные талоны. Вера увидела.

— Зачем?

— Уже не нужны.

— Можно было оставить.

— Для чего?

— Не знаю.

Он смотрел, как бумага сворачивается в пепел.

— Вот именно. Позже вечером они сидели у открытого окна. Свет не включали. Далеко гремело.

— Лёша.

— Что?

— Ты всё время рисуешь эти подвалы.

— Работа.

— Не только.

Он молчал.

— Зачем?

Алексей посмотрел на тёмную улицу.

— Чтобы знать, куда идти, если однажды улицей идти будет нельзя.

Вера не ответила. После несостоявшейся эвакуации отношения в семье изменились почти незаметно. Никто не сказал вслух «мы остаёмся», но именно так они теперь жили. Вера перестала складывать вещи в дорожную сумку. Алексей больше не проверял расписание поездов. Миша убрал чемодан под кровать. Решение, которого никто формально не принял, стало фактом. Город вокруг делал то же самое. Одни ещё пытались уехать, другие уже устраивали жизнь на случай осады. Во дворах заготавливали песок. В школах оборудовали пункты первой помощи. Женщины шили мешки. Рабочие укрепляли подвалы. Каждая семья решала, что брать в убежище, где хранить воду, кому доверить ключи. Савченко составил собственный порядок.

— В тревогу сначала первый подъезд, потом второй.

— Почему? — спросил Алексей.

— В первом больше стариков.

— А дети?

— Дети бегают быстрее стариков.

— Логично.

— Иногда со мной бывает. Дворник распределил лавки, убрал из проходов лишнюю мебель и ругался со всеми, кто ставил вещи у лестницы.

— Это моя табуретка!

— Ваша табуретка в момент пожара станет общей смертью.

— Ты совсем обнаглел.

— Война. Новые полномочия.

Его грубоватая ирония действовала лучше приказов. Люди ворчали, но слушались. Алексей всё чаще думал: если однажды действительно придётся уходить через подвалы, недостаточно знать ход. Нужно понимать, сколько людей может пройти, кто откроет дверь, кто останется последним. Инженерная задача постепенно превращалась в человеческую. В больнице Вера сталкивалась с другой стороной эвакуации. Вывозили тех, кого можно было перевозить. Тяжёлых оставляли до последнего. Она однажды пришла домой и сказала:

— Сегодня женщина просила отправить мужа вместо неё.

— Можно?

— Нет.

— Что сказала?

— Что нельзя.

— И?

Вера долго снимала туфли.

— Она спросила, кто придумал такое «нельзя».

— Что ответила?

— Ничего.

Алексей понял: их мир наполнялся ситуациями, в которых правила переставали объяснять справедливость. Миша по-своему переживал несостоявшийся отъезд. Несколько дней он был непривычно послушным. Потом снова начал исчезать во дворе.

— Куда ходил?

— К Коле.

— Только?

— Только.

— В подвал?

— Немного.

— Миша.

— Мы проверяли, можно ли пройти в четвёртый дом.

Алексей хотел наказать его, но вместо этого спросил:

— Можно?

Миша сразу оживился.

— Можно! Там доски, но если отодвинуть…

Вера перевела взгляд на мужа.

— Ты понимаешь, что сам поощряешь?

— Понимаю.

— И?

— Не знаю. — Она вздохнула.

— Хорошо, что хотя бы это признаёшь.

Алексей ввёл правило: Миша не идёт в новый проход без взрослого. Правило нарушалось почти сразу, но сам факт его появления изменил отношения. Сын начал чаще рассказывать, где был. Отец — реже делать вид, что детские находки не важны. На улице тем временем всё чаще слышали артиллерию. Иногда стекло дрожало едва заметно. Иногда звук исчезал на несколько дней, и люди успокаивались, решая, что фронт отодвинулся. Потом грохот возвращался ближе. Однажды вечером Алексей и Вера поднялись на крышу во время дежурства. Город лежал тёмный, почти без огней. Далеко на горизонте небо вспыхивало.

— Красиво, — сказала Вера и сразу поморщилась.

— Ужасно, что красиво.

— Это просто свет.

— Ты умеешь испортить любую метафору.

— Профессиональное.

Они стояли рядом.

— Если станет совсем плохо, — сказала она, — ты правда поведёшь нас через подвалы?

Алексей перевёл взгляд на тёмные крыши.

— Если улицей будет нельзя.

— Ты уверен, что знаешь дорогу?

— Нет.

— Тогда почему мне спокойнее, когда ты это говоришь?

Он не ответил. Пожалуй, именно тогда подземная карта впервые стала для них не рабочим документом, а формой надежды — неровной, ненадёжной, но всё же дорогой, которой не было у тех, кто смотрел только на улицы. Вокзал после их возвращения ещё долго стоял у Алексея перед глазами. Он видел не толпу, а отдельные детали: маленькую девочку, спящую на чемодане; мужчину, который трижды проверял один и тот же билет; женщину, снимающую с пальца кольцо и пытающуюся обменять на место в телеге до следующей станции. Он впервые понял, что эвакуация — тоже вид разрушения города. Люди исчезают не одновременно. Сначала сосед. Потом коллега. Потом продавщица из знакомого магазина. Дом стоит, улица та же, но из неё постепенно вынимают тех, кто делал её узнаваемой. На лестничной площадке

стало тише. Семья с первого этажа уехала. Квартира напротив закрыта. Коля ещё оставался, но его родители собирали вещи.

Миша спросил:

— А если все уедут, кто с Колькой во дворе останется?

— Все не уедут.

— Почему?

— Потому что всегда кто-то остаётся.

— Мы?

Алексей не ответил сразу.

— Пока мы. Во дворе Савченко начал хранить ключи от пустых квартир отдельно.

— Зачем?

— Вдруг крыша загорится. Или вода потечёт.

— Хозяева просили?

— Кто успел — просил. Кто не успел — потом скажет спасибо или поругает.

— А если вернутся?

— Вот тогда и узнаем.

Пустые квартиры становились новой частью городской географии. Они могли стать убежищем, складом, целью мародёров. Пока никто не говорил об этом вслух. Вера однажды вернулась с вокзала больницы — они отправляли часть пациентов.

— Самое страшное не провожать тех, кто уезжает, — сказала она.

— А что?

— Смотреть на тех, кого не берут.

— Почему не берут?

— Нельзя перевозить.

Она сняла халат.

— Один старик спросил: «Значит, я здесь умру?» Я сказала: «Нет». И поняла, что соврала.

Алексей подошёл и обнял её.

— Иногда можно.

— Ты же не любишь ложь.

— Теперь не знаю.

Она прижалась к нему. Город учил их новым нравственным исключениям быстрее, чем они успевали привыкнуть. До этого момента фраза существовала только в его голове. Произнеся её, он понял, что сам уже верит в такую возможность.

Вокзал стал отдельным городом внутри города. Здесь время не измерялось часами: оно измерялось объявлениями, задержками и моментом, когда очередной состав медленно подавали к платформе. Люди жили на чемоданах. Спали, сидя на полу.

Держали детей на руках, потому что поставить их было некуда. Над всем висел угольный дым, запах горячего металла, пота и дешёвой еды, которую продавали прямо из корзин.

Перед самым отправлением одного из санитарных составов по платформе прошёл слух, что путь впереди разбомблён и поезд могут вернуть. Никто не знал, откуда это взялось, но за несколько минут слух стал почти фактом. Люди начали пересаживаться ближе к дверям, кто-то потребовал объяснений у железнодорожников, кто-то, наоборот, решил, что лучше ехать куда угодно, лишь бы уехать. Потом появился начальник станции и коротко сказал, что состав пойдёт по изменённому маршруту. Толпа успокоилась так же быстро, как всполошилась.

Алексей наблюдал и впервые ясно понял: во время войны информация сама становилась частью опасности. Верная, ложная, неполная — она заставляла людей двигаться, ждать, бросать вещи, менять решения. Лишняя подробность могла привести не туда, и к каждой новой вести он теперь прислушивался осторожнее.

У выхода с вокзала они встретили семью, которая только что приехала с запада. Мужчина нёс узел и маленькую девочку, женщина вела за руку мальчика постарше. На всех была дорожная пыль. Они спрашивали, где найти временное жильё.

— В школе на соседней улице размещают, — сказал Алексей. Мужчина поблагодарил и спросил:

— А у вас здесь ещё спокойно?

Алексей хотел ответить автоматически: пока да. Но увидел его лицо и понял, что для этого человека «спокойно» уже значит совсем другое.

— Пока можно жить, — сказал он.

Мужчина кивнул так, будто этого было достаточно. Когда семья ушла, Вера тихо спросила:

— Почему не сказал, что спокойно?

— Потому что не знаю, что он считает спокойствием.

— Учишься.

— Чему?

— Говорить правду так, чтобы она не была бесполезной.

Алексей посмотрел ей вслед и подумал, что война действительно меняет даже язык. Слова, которые раньше были простыми, теперь требовали уточнений: дом, дорога, работа, безопасность, завтра.

Алексей пришёл туда с Верой после того, как ей официально предложили два места — для неё и Миши. Нужно было уточнить время отправления. Они почти час добирались от входа до справочного окна.

— Состав на восток когда? — спросила Вера. Женщина за стеклом даже не подняла головы.

— Какой?

— По медицинской эвакуации. Завтра.

— Может завтра, может ночью.

— Это как? Теперь женщина посмотрела.

— Вот так. Если будет локомотив — пойдёт. Если не будет — не пойдёт. Следующий.

Вера отступила.

— Очень информативно.

Алексей хотел возмутиться, но увидел лицо сотрудницы: серое от усталости, с красными глазами. За её спиной ещё несколько человек одновременно отвечали на вопросы. Он промолчал. На платформе стоял санитарный эшелон. Через открытые двери вагонов были видны носилки.

Солдаты, медсёстры, люди в халатах двигались быстро, почти не разговаривая. Один раненый сидел прямо на перроне, прислонившись к стене, и курил. Рядом лежала его забинтованная нога. Он заметил, что Миша смотрит, и улыбнулся мальчику.

— Не бойся. Вторая есть.

Миша смутился.

Вера подошла к раненому почти автоматически.

— Вам помощь нужна?

— Мне уже столько помогали, товарищ доктор, что больше некуда.

— Я откуда знаю, что вы не врёте?

— По лицу видно, что доктор.

— По какому признаку?

— Сразу командовать начали. — Он засмеялся.

Вера тоже улыбнулась, но, отходя, стала серьёзной.

— Вот таких мне предлагают оставить.

— Там есть другие врачи.

— Знаю.

— Тогда почему говоришь так, будто только ты? — Она остановилась.

— Потому что легче думать, что без тебя обойдутся, когда не знаешь людей по именам.

Эта мысль ещё не раз вернётся к ним позже. Дома они разложили вещи, которые Вера считала необходимыми для эвакуации. Получилась гора, явно не помещавшаяся в две сумки. Она убирала одно, добавляла другое, снова доставала первое. Миша стоял рядом и защищал книги.

— Все не возьмёшь, — сказал Алексей.

— Я беру три.

— У тебя шесть.

— Три учебные.

— Зачем учебные?

— А там школы не будет?

Алексей и Вера переглянулись.

— Будет, — сказала Вера.

— Тогда нужны. Он говорил так уверенно, что спорить не хотелось. Ночью Вера долго сидела над эвакуационным листком.

— Ты хочешь, чтобы мы уехали? — спросила она.

Алексей не сразу ответил.

— Да.

— А сам?

— Не могу.

— Я понимаю, что тебя не отпускают. Я спрашиваю о другом: ты сам хотел бы уехать? Он опустил глаза на невостребованный проездной талон.

— Хочу поехать с вами.

— Вот это и надо было сказать.

— И что изменилось?

— Ничего. Но я хотя бы знаю, что ты не пытаешься избавиться от нас ради спокойствия.

Он усмехнулся.

— Спокойствия здесь больше не будет. На следующий день Вера вернулась из больницы и сказала, что её не отпускают.

— Совсем?

— Пока.

— А места?

— Сгорят.

— Можно Мишу отправить одного. Оба посмотрели на сына, сидевшего в соседней комнате. Он слышал.

— Нет, — сказала Вера.

— Я могу, — отозвался Миша.

— Нет, — повторили они одновременно.

Миша появился в дверях.

Он держал собранный школьный портфель. Из застёжки торчал край тетради по математике, а в боковом кармане гремели две пуговицы — он почему-то решил взять их с собой. Вера опустилась перед сыном на корточки, вынула из кармана его рукавицу и засунула обратно. Она несколько раз открыла рот, но так и не нашла слов для самого страшного: на большом вокзале ребёнка могут потерять прежде, чем он поймёт, куда бежать.

— Почему?

Алексей ответил:

— Потому что тебе десять.

— В десять можно ехать на поезде.

— Можно. Но не неизвестно куда во время войны.

— А здесь известно куда?

Вера закрыла глаза.

— Господи, он становится похож на тебя.

Алексей не нашёл ответа.

В день отправления состава они всё-таки пришли на вокзал. Не потому, что решили ехать, а потому что до последнего момента надеялись на перемену: вдруг Веру отпустят, вдруг появится место для Алексея, вдруг решение примет кто-то другой.

Ничего не изменилось. Состав стоял у платформы. Людей сажали быстро. Кто-то плакал. Кто-то кричал фамилии через окна. Женщина передавала в вагон ребёнка, потом сумку, потом сама пыталась подняться на ступеньку. Солдат помог ей. Вера держала Мишу за плечо.

— Ещё можно, — сказал Алексей.

— Что?

— Отправить его.

Миша резко повернулся.

— Нет.

— Я с тобой разговариваю не как с ребёнком. Там безопаснее.

— Ты не знаешь.

— Здесь фронт приближается.

— А там?

— Там дальше.

— Это не значит безопаснее.

Алексей ощутил раздражение: мальчик повторял его собственную манеру спорить только фактами.

Вера сказала:

— Лёша, хватит.

Поезд дёрнулся. Сначала почти незаметно. Потом колёса медленно пошли. Люди на платформе двинулись рядом с вагонами, кто-то ещё пытался передать свёрток через окно. Через несколько минут состав исчез за поворотом. Они остались втроём. Миша смотрел на пустые рельсы.

— Мы теперь точно остаёмся? Никто не ответил сразу.

Вера сказала:

— Пока да.

На обратном пути город показался Алексею меньше. Вокзал выпустил их в те же улицы, но теперь каждая из них могла оказаться последней привычной дорогой. На перекрёстке грузили станки на платформы. Возле школы стояли автобусы. С окон одного учреждения снимали шторы и упаковывали документы. Дома Алексей достал эвакуационные бумаги. Долго смотрел. Потом порвал. Вера заметила.

— Зачем?

— Чтобы не думать, что ещё можно успеть на этот поезд.

— Будут другие.

— Возможно.

— Ты сам не веришь.

— Нет. — Она села рядом.

— Тогда что будем делать?

Алексей посмотрел на карту подвалов, лежавшую на столе.

— Пока жить.

— Очень конкретно.

— А если однажды улицей идти будет нельзя — искать другой путь.

Вера посмотрела на линии.

— Под землёй?

— Может быть.

Алексей провёл пальцем вдоль старой линии коллектора. Вера не сказала, что путь невозможен. Она спросила, где здесь можно выйти с ребёнком, и он не нашёл ответа на своей карте.

Глава 5. Город без света

Большое затемнение случилось в августе. К этому времени ночная темнота уже стала частью городской дисциплины. Окна закрывали плотной бумагой, лампы прятали за шторами, фонари на улицах не зажигали. Но люди всё равно знали: за стенами есть электричество. В квартирах гудели холодильники, в больнице горели операционные лампы, насосы качали воду, трамвайные подстанции жили своей скрытой жизнью. Поэтому настоящий обрыв света почувствовали сразу. Сначала погасла одна улица. Потом вторая. Через несколько минут половина центральных кварталов ушла в полную темноту. Алексей был дома. Они ужинали при закрытом окне, когда лампа дрогнула и погасла. Миша сказал:

На лестнице аварийной станции теперь дежурил молодой человек с журналом посещений. Он просил расписаться даже тех слесарей, которых знал в лицо. Семён сперва возмутился: ему было легче открыть любой вентиль, чем разбирать мелкий почерк в тесной графе. Но в ту ночь, когда одну бригаду срочно отправили на другой конец города, именно журнал помог разыскать последнего свободного машиниста. Бумага ещё служила им самим, хотя требовала лишних минут от людей, у которых минут почти не осталось.

За несколько недель до большого отключения город учился затемняться по частям. Сначала люди относились к этому как к неудобству. Заклеивали стёкла бумагой, ругались, что в комнатах душно, спорили с дворниками, если из-под шторы пробивалась полоска света. Потом несколько ночных налётов сделали затемнение привычкой. Вечером улицы исчезали быстрее, чем раньше. Фасады растворялись в темноте, а знакомые кварталы узнавались по запахам, шагам и голосам.

Алексей возвращался однажды поздно и почти прошёл мимо собственного дома. Не потому что не знал улицу, а потому что без света исчезали привычные ориентиры. Угол магазина сливался со стеной, трамвайные рельсы блестели только когда попадали под редкий закрытый фонарь машины, деревья превращались в чёрные пятна. Савченко сидел у подъезда.

— Вы чего здесь?

— Дежурю.

— От чего?

— От жильцов.

Алексей усмехнулся.

— А серьёзно?

— Серьёзно. Один окно не закроет, второй во двор с папиросой выйдет, третий решит, что немецкий самолёт его лично не заметит. — Он кивнул вверх.

— Ваша соседка с четвёртого опять свет оставила.

— Скажите ей.

— Уже сказал.

— И?

— Обиделась.

— Почему?

— Потому что я сказал, что немецкому лётчику всё равно, хороший она человек или плохой. Такой была новая городская педагогика: грубая, бытовая и необходимая.

На насосных затемнение создавало другую проблему. Там нельзя было просто выключить свет. Нужно было работать, читать приборы, проверять давление. Окна закрашивали, лампы переносили ниже, щели забивали паклей. В жару внутри становилось нечем дышать. Семён однажды снял рубаху и работал в майке.

— Если война продлится до зимы, хоть прохладнее будет.

— Не каркайте.

— Я не каркаю. Я планирую сезонные преимущества.

Когда электричество оборвалось по-настоящему, Алексей понял разницу между затемнением и мёртвым городом сразу. Исчез привычный низкий гул. На насосной остановилось то, что прежде казалось вечным. Пауза после выключения мотора была почти физической.

— Резерв! — крикнул Семён. Рабочие бросились к пусковой схеме. Один генератор завёлся, второй нет. Давление начало падать медленно, но неумолимо.

Алексей смотрел на стрелку манометра.

— Восточная ветка?

— Уже просела.

— Больница?

— На ней.

Он выругался.

— Старый байпас. — Семён посмотрел.

— Он закрыт лет десять.

— Значит, откроем.

— Там коридор затоплен.

— Другой подход есть?

— На бумаге нет.

Именно тогда всплыла найденная им боковая галерея. Неофициальная, не обозначенная на современной схеме. Они пробили перегородку в техническом подвале и вышли к старой камере с другой стороны. Кирпич осыпался, в лицо ударил запах стоячей воды и железа. Фёдор посветил внутрь.

— Туда?

— Туда.

— Уверены?

— Нет. — Семён вздохнул.

— Приятно работать с человеком, который вселяет уверенность.

Они прошли по колено в воде, потом по узкому сухому уступу. Где-то сверху грохнул взрыв. С потолка посыпалась известка. Фёдор остановился.

— Это близко.

— Иди.

— А если здесь завалит?

— Тогда не поможет стоять на месте. Старый вентиль нашли за кирпичной аркой. Ржавый, с массивным маховиком. — Семён посмотрел на него почти нежно.

— Вот ты где, старый мерзавец. Первые несколько минут вентиль не двигался. Они работали вдвоём. Потом втроём. Металл скрипнул.

— Ещё.

— Сломаем.

— Если не откроем, он и так бесполезен. Маховик пошёл. Через несколько минут давление на линии перестало падать.

Когда они вышли наружу, город всё ещё был без света. Но где-то в больнице уже снова шла вода. Алексей представил Веру у крана, не знающую, что именно её муж сейчас ползал по забытой галерее ради этой струи. Вечером она рассказала:

— В самый плохой момент вода вернулась.

— Насос запустили. Он не стал объяснять как.

— Повезло.

— Не люблю это слово.

— Почему?

— Потому что когда говорят «повезло», забывают тех, кто для этого что-то сделал.

Алексей посмотрел на неё.

— Иногда лучше забыть.

Вера нахмурилась.

— Что ты скрываешь?

— Ничего.

— Вот теперь точно что-то. — Он улыбнулся и перевёл разговор. Но ночью достал карту и отметил галерею отдельно. Уже не как инженерную редкость. Как обход.

— Опять тревога?

— Нет.

Алексей подошёл к выключателю, хотя знал, что это бессмысленно.

Вера посмотрела на него.

— Работа?

— Скорее всего. Через минуту в дверь постучали.

Савченко.

— Телефон у конторы работает. Вас ищут.

— Кто?

— Не представились. Говорят, насосная встала.

Алексей уже надевал рубашку.

Вера молча принесла сумку с инструментами.

— Когда вернёшься?

— Не знаю.

— Уже не спрашиваю «скоро». — Он посмотрел.

— Хорошо.

— Ничего хорошего.

На улице темнота была почти материальной. Люди стояли у подъездов, стараясь не пользоваться фонариками. Где-то далеко работал прожектор, но его луч уходил в небо и не давал света земле. Машина управления приехала через десять минут. Семён сидел рядом с водителем.

— Первая насосная встала. Резерв не включается.

— Почему?

— Если бы знал, спал бы дома. На объекте пахло горячим металлом и маслом. Аварийная лампа горела тускло. Двигатель основного насоса стоял.

— Электричество есть?

— На вводе есть. Здесь нет.

— Реле?

— Проверили.

Алексей прошёл в нижнюю камеру. Проблема оказалась хуже. Старый резервный узел можно было запустить вручную, но доступ к задвижке перекрывала затопленная галерея. Семён посветил на воду.

— По пояс минимум.

— По схеме должна быть боковая камера.

— Где?

Алексей показал кирпичную стену.

— За ней.

— Вы уверены?

— Нет.

— Отлично.

— Но кладка здесь поздняя. Семён постучал. Звук был глухой.

— Пустота.

— Значит, ломаем.

Работали втроём. Кирпич оказался плотнее, чем ожидали. За первым слоем была старая штукатурка, потом снова кирпич. Когда открылось отверстие, оттуда пошёл прохладный сухой воздух. Семён просунул фонарь.

— Есть коридор.

Алексей пролез первым. Ход был узкий, но сухой. Через двадцать метров вышли в резервную камеру с другой стороны.

— На современных схемах нет, — сказал Семён.

— На старой тоже не было.

— Значит, город опять вас обманул.

— Город ничего не обещал.

Они открыли задвижку вручную. Резервный насос запустился с третьей попытки. Сначала двигатель завыл, потом загудел ровнее. Алексей стоял рядом, чувствуя вибрацию под ногами. Это был привычный звук. Звук работающей системы. Наверху начали возвращаться вода и свет. Не сразу. Квартал за кварталом. Утром Алексей вышел на улицу и увидел, что люди уже стоят у колонок с вёдрами. Женщина набрала воду и перекрестила кран.

— Спасибо богу. Семён, стоявший рядом, тихо сказал:

— Инженерам никто не спасибо.

— И хорошо.

— Почему?

— Значит, всё работает как надо. Когда Алексей вернулся домой, Миша не спал. На столе лежал его рисунок.

— Пап.

— Что?

— Я добавил наш новый проход.

— Откуда знаешь?

— Савченко сказал, что ты стену сломал.

— Он знает всё?

— Похоже.

Миша ткнул карандашом в схему.

— Вот теперь второй город больше.

— Не называй так.

— Почему?

Алексей снял пиджак.

— Потому что это просто коммуникации.

— А если по ним можно ходить?

— Всё равно.

Миша пожал плечами.

— Как хочешь.

Вера вышла из комнаты.

— Ты ел?

— Нет.

— Садись.

Пока она грела еду, Алексей смотрел на рисунок сына. Город действительно существовал в двух состояниях. Видимый — когда работали лампы, трамваи, магазины, учреждения. И второй — который оставался, когда свет гас. Кирпич, трубы, вода, проходы. То, что не зависело от вывесок и власти наверху. После аварии на первой насосной Алексей несколько дней ходил по городу с неожиданным ощущением: ему стало тесно в обычных схемах. Старый коридор, которого не было ни на одном из доступных планов, оказался не исключением, а подтверждением того, что под улицами сохранялась память о прежних перестройках. Каждый раз, когда он открывал новый архивный лист, теперь думал не только о трубах и кабелях, но и о пустотах между ними. Королёв заметил его интерес.

— Воронцов, вы ещё немного — и начнёте искать под городом Атлантиду.

— Если там есть резервный насос, найду.

— Вот за это вас и держим.

Королёв выглядел хуже, чем месяц назад. Курил больше, спал меньше. На столе у него лежала записка с перечнем объектов, которые следовало подготовить к возможному уничтожению при отходе. Пока документ был без подписи, но само его присутствие меняло всё.

— Видели? — спросил он.

— Да.

— Не обсуждать.

— Я и не собирался.

— Вы всё обсуждаете лицом.

Алексей усмехнулся.

— Что именно готовят?

— Я сказал: не обсуждать.

— Значит, много.

Королёв отвернулся к окну.

— Иногда завидую вам, инженерам.

— Вы тоже инженер.

— Уже нет. Я человек, который подписывает бумагу между инженером и приказом.

Эта фраза осталась у Алексея. Он впервые понял, что война ломает не только здания и людей — она ломает привычные профессиональные роли. Человек, который вчера отвечал за бесперебойную работу системы, завтра может получить приказ вывести её из строя. В городе начали отключать отдельные районы по ночам для экономии и маскировки. После каждого такого отключения возникали слухи: «немцы уже рядом», «электростанцию взорвали», «город бросили». Иногда Алексей возвращался домой только для того, чтобы услышать от соседей версию собственной работы, превращённую в легенду.

— Говорят, воды не будет неделю, — сказала однажды соседка.

— Кто говорит?

— Люди.

— Вода будет.

— Вы уверены?

— Да.

Он соврал впервые сознательно. Вода могла исчезнуть в любой момент. Но женщина кивнула и ушла спокойнее. Алексей потом долго думал об этом. Раньше точность была для него нравственной категорией: либо знаешь, либо нет.

Теперь оказалось, что иногда ложь может удержать человека от паники, а правда — разрушить последнее спокойствие. Это ему не нравилось. Миша воспринимал отключения по-своему. Он научился передвигаться по квартире почти без света. Однажды ночью Алексей увидел, как сын идёт по коридору, не касаясь стены.

— Почему не зажигаешь?

— Всё равно нельзя.

— Споткнёшься.

— Не спотыкаюсь.

— Откуда знаешь, где что?

— Помню.

Алексей подумал: дети быстрее взрослых перестраивают способ видеть мир. Там, где взрослому нужен свет, ребёнок запоминает расстояния. Там, где взрослый ждёт разрешения, ребёнок уже ищет обход. На следующий день они вместе прошли новый коридор насосной. Алексей хотел проверить, нет ли второго выхода. Миша шёл сзади.

— Пахнет как в подвале у Кольки.

— Это сырость.

— Нет. Там ещё масло.

Алексей остановился. На стене действительно был след, похожий на прикосновение грязной рукой. В нише нашли пустую металлическую банку.

— Кто-то сюда приходит? — спросил Миша.

— Рабочие могли.

— Но ты сказал, никто не знал проход.

Алексей перевёл взгляд на сына.

— Я сказал, что его нет на карте. Это не то же самое.

Миша кивнул. Для него разница была очевидной. Для Алексея — только становилась. После восстановления подачи воды Алексей получил возможность проехать по ночному городу вместе с аварийной машиной.

Из кабины он впервые увидел затемнение не как житель, а как инженер. Целые кварталы лежали чёрными массивами. Только иногда в окне на секунду появлялась тонкая полоска света и сразу исчезала. Машина шла медленно, фары были приглушены.

— Если раньше город ночью показывал, где люди живут, — сказал водитель, — теперь наоборот.

Алексей посмотрел на тёмные фасады.

— Теперь показывает, где умеют закрывать шторы.

В одном районе вода после аварии вернулась позже. Люди стояли у колонки ещё до рассвета. Очередь была тихой. Когда наконец пошла струя, никто не аплодировал. Просто начали наполнять вёдра. Семён сказал:

— Вот за это и работаем.

Алексей посмотрел.

— За вёдра?

— За то, чтобы людям не пришлось думать, откуда взять воду. Когда всё работает, человек может бояться чего-нибудь другого.

Эта простая формула помогала Алексею оправдывать свою работу. И всё же её смысл начинал тревожить его уже сейчас. Новый технический коридор Алексей нанёс только на домашнюю копию схемы. На официальной карте сделал пометку о доступе к резервной камере без подробного маршрута.

— Почему не полностью? — спросил Семён.

— Пока не проверим.

— Или чтобы никто не знал?

Алексей на мгновение замолчал.

— С чего взяли?

— Просто интересно, когда инженер начинает скрывать собственное открытие.

— Я не скрываю.

— Конечно.

Он не показал коллеге одного листа старой схемы. Тот ушёл, не заметив пропуска, а Алексей ещё несколько минут держал папку раскрытой. Потом закрыл её и убрал в стол, хотя раньше оставлял такие планы на общем рабочем стеллаже.

Глава 6. Вера

Больница перестала пахнуть больницей. Исчез привычный порядок запахов — карболка, мыло, лекарства. Теперь всё смешалось: мокрая одежда, кровь, табак, йод, человеческий пот, кипячёные бинты и сырой подвал, куда во время тревог переносили тех, кого можно было переносить. Вера работала почти без выходных. Она была врачом не из тех, кто умеет утешать словами. У неё был спокойный голос, внимательные руки и привычка смотреть на человека чуть дольше, чем требовал разговор. Пациенты иногда принимали это за строгость. Алексей знал: на самом деле она просто не любила обещать то, чего не знала. В тот день привезли молодого бойца. В документах — Леонид Кравцов. Восемнадцать или девятнадцать лет, точно никто не выяснял. Осколочное ранение живота. Операционная занята. Вера перевела взгляд на сестру.

Работа Веры всё меньше походила на довоенную медицину. До войны она могла спорить о диагнозе, ждать анализ, выбирать время операции. Теперь решения принимались в коридоре, возле носилок, иногда за несколько секунд. Места не хватало. Инструментов становилось меньше. Персонал уставал быстрее, чем успевал сменяться.

В сестринской висел прежний график смен, и заведующая никак не решалась его снять. Возле нескольких фамилий красным карандашом были проставлены новые назначения, одна строка оставалась пустой: санитарка уехала вместе с детьми. Вера стояла перед листом, когда пришла пожилая уборщица и спросила, нужно ли ей теперь мыть перевязочную дважды. Раньше это решалось распоряжением старшей сестры. Теперь старшая сестра сопровождала раненых на вокзал, и Вера сама взяла ведро, показала, с какой комнаты начать, а потом вернулась к больным. Уборщица не благодарила: у них обеих не было времени на благодарность.

В одну ночь привезли сразу больше двадцати человек после налёта на железнодорожный узел. Не только военных. Женщину с ожогами. Мальчика лет десяти с рассечённым лбом. Старика, которого нашли под обломками. Двух рабочих станции. Вера стояла у входа и распределяла, кого куда.

— Этот в операционную.

— Там занято.

— Тогда в малую.

— И там.

— Освободить перевязочную. Молодая сестра Лида — тёзка будущей девочки из перехода — смотрела на неё почти испуганно.

— А куда перевязки?

— В коридор.

— Но там люди.

— Теперь будут ещё люди.

После шестого часа работы Вера перестала чувствовать спину. В какой-то момент заметила, что держит кружку с холодным чаем и не помнит, кто её дал. Рядом сидел раненый железнодорожник.

— Доктор, вы бы выпили.

— Вы откуда знаете, что это моё?

— Все знают. Вам уже три раза приносили.

Она выпила.

— Спасибо.

— Не за что. Вы меня тоже сегодня штопали.

Вера посмотрела на его плечо и только тогда вспомнила. В такие дни люди переставали быть историями. Становились задачами: остановить кровь, обработать ожог, найти койку. Потом, уже дома, отдельные лица возвращались.

Лёня Кравцов вернулся особенно ясно. Юноша, которого они оперировали за ширмой, всё время пытался говорить. Вера просила молчать, но он задавал один вопрос:

— Я потом ходить буду?

— Если будете молчать, шанс повысится.

— А бегать?

— Вы торгуетесь?

— Я футбол играл.

— Сначала ходить. — Он улыбнулся. После операции стало хуже. К утру Вера уже понимала исход, хотя продолжала делать всё, что могла. Лёня снова спросил:

— Доктор.

— Что?

— Вы маме напишете?

Она замерла.

— Почему я?

— У вас почерк, наверное, хороший. Это было нелепое объяснение.

Вера сказала:

— Сам напишешь. — Он посмотрел на неё слишком внимательно.

— Вы врёте плохо. Через несколько часов его не стало. Домой Вера пришла, когда Миша уже спал.

Алексей сидел на кухне.

— Есть хочешь?

— Нет.

— Ты ничего не ела.

— Откуда знаешь?

— По тебе видно. Он поставил перед ней тарелку. — Она взяла ложку, потом положила.

— Сегодня умер мальчик.

Алексей не знал, что сказать.

— Молодой?

— Все теперь молодые.

Она смотрела в стол.

— Я сказала ему, что он сам напишет матери.

— Ты не могла знать.

— Знала.

— Тогда зачем сказала?

Вера подняла глаза.

— Потому что иногда человек должен прожить ещё десять минут так, будто у него есть завтра.

Алексей молчал.

— Ты бы не сказал, — продолжила она.

— Не уверен.

— Сказал бы правду.

— Наверное.

— Вот поэтому иногда ты жестокий, даже когда думаешь, что просто точный.

Он хотел возразить, но не стал. Вера была слишком устала, чтобы спорить ради победы. Именно на фоне этой больничной усталости история со знаком на стене стала для неё не загадкой, а угрозой. Когда истопник сказал, что пролом в подвале появился со стороны старой гале-

реи, Вера сама спустилась посмотреть. Кирпичная пыль была свежей. На стене — две вертикальные черты и косая.

— Вы это делали? — спросила она истопника.

— Нет.

— Кто мог?

— Я думал, ваши рабочие.

— Наши так не метят. Она вспомнила Мишины рисунки. Вечером, когда Алексей пришёл, Вера не стала сначала рассказывать о погибшем Лёне. Она повела мужа вниз.

— Смотри.

Алексей провёл пальцем рядом со знаком.

— Свежий.

— Я вижу.

— Кто был здесь?

— Вот это ты мне скажи. — Он посмотрел на неё.

— Почему я?

— Потому что это твой второй город.

— Он не мой.

— Тем хуже. За стеной что-то шуршало. Оба замолчали. Несколько секунд ничего.

Вера сказала:

— Мне всё меньше нравится, сколько неизвестных вещей происходит прямо под больницей.

Алексей ответил:

— Мне тоже.

— И что будем делать? — Он посмотрел в темноту галереи.

— Сначала выясним, кто здесь ходит.

— Лёша.

— Что?

— Ты всегда говоришь «сначала выясним», когда уже решил полезть туда сам. — Он улыбнулся.

— Неправда.

— Я тебя давно знаю. Вера произнесла это не глядя на мужа: затянула узел на перевязочной сумке и проверила, не расходится ли шов.

— Ширму сюда.

— Здесь?

— Здесь.

— Но это перевязочная.

— Сегодня нет. Мальчик был в сознании.

— Доктор.

— Не разговаривайте.

— Я не боюсь.

У мальчика дрожали пальцы на краю простыни. Он прятал руку под ткань всякий раз, когда Вера подходила ближе. Вера не стала спрашивать, действительно ли он не боится. Она пригладила край простыни у его плеча и дождалась, пока мальчик сам разожмёт пальцы.

— Хорошо.

— Правда.

— Я верю. — Он посмотрел на неё.

— Вы не верите.

Вера натянула перчатки.

— Тогда докажите и молчите.

Он попытался улыбнуться. Алексей пришёл в больницу ближе к вечеру. Принёс хлеб и банку варенья, которую Вера ещё весной оставила «на потом». Нашёл её в коридоре.

— Ты здесь? — Она посмотрела как на человека, который появился не в том мире.

— Как видишь.

— Я принёс еду.

— Оставь в ординаторской.

— Когда домой?

— Не знаю.

— Вера.

— Лёша, не сейчас. Он хотел сказать, что Миша один, что тревога может начаться снова, что ей нужно хотя бы поспать. Вместо этого спросил:

— Что случилось? — Она посмотрела на ширму в конце коридора.

— Ничего нового.

Алексей понял: значит, плохо.

— Ты должна хотя бы спускаться в убежище.

— С кем?

— Что?

— Если тревога начинается во время операции, с кем я должна оставить человека?

— Есть другие врачи.

— У других свои люди.

— У тебя есть сын. Сказав, он сразу пожалел.

Вера подняла глаза.

— Я знаю.

— Я не это имел в виду.

— Именно это.

— Нет.

— Тогда объясни.

Алексей замолчал. Она вздохнула.

— Лёша, если хочешь поругаться, приходи завтра. Сегодня у меня сил нет. Он поставил сумку на подоконник.

— Хорошо.

— Спасибо.

Уйти не успел. Внизу закричали, что пропала вода. Для больницы отсутствие воды было хуже выключенного света. Свет можно заменить лампой. Воду — нет. Вера сразу обернулась.

— Алексей.

— Уже понял.

В подвале давление было почти нулевым. Главная линия работала, значит, проблема находилась внутри здания. Старый план больницы хранился у завхоза. Алексей развернул его на столе.

— Здесь должна идти старая труба. Истопник покачал головой.

— Там стена.

— Стена новая.

— Ей лет двадцать.

— Для меня новая.

За стеной оказалась галерея. Снова. Алексей уже начинал воспринимать такие находки не как исключение, а как правило старого города. Труба действительно проходила там. На соединении была трещина. Пока рабочие возились с ремонтом, Алексей прошёл дальше.

Галерея уходила под старое крыло и заканчивалась кирпичной перегородкой. Он сделал на стене крест мелом. Вера появилась рядом.

— Что это?

— Если здесь когда-нибудь понадобится быстро пройти, стену можно ломать в этом месте.

— «Когда-нибудь»?

— Просто отмечаю. — Она посмотрела на знак.

— Ты уже отмечаешь стены больницы как свой второй город.

— Не начинай.

— Я не начинаю.

Вера провела пальцем по краю старого кирпича.

— Сюда можно перенести воду, бинты.

Алексей задержал взгляд.

— Зачем?

— На случай, если верхний подвал будет разрушен.

— Ты тоже начинаешь.

Она устало улыбнулась.

— Видимо, заразно.

Лёня умер ближе к ночи. Вера вышла после него в пустой коридор и некоторое время стояла у окна. Она не плакала. Алексей нашёл её там.

— Всё? — Она кивнула.

— Что произошло?

— То, что должно было.

— Вера.

— Не надо. — Он встал рядом. Через стекло было видно тёмный двор больницы. Носилки. Машина. Люди.

— Я сегодня сказал глупость.

— Какую именно? Уточни.

— Про Мишу. — Она посмотрела.

— Я знаю, зачем ты сказал.

— И?

— Это не делает фразу менее глупой. — Он кивнул.

— Согласен.

Она неожиданно положила голову ему на плечо. Так стояли несколько минут. Под утро Савченко пришёл к ним домой. Стучал коротко, но настойчиво. Алексей открыл.

— Что случилось?

— Из больницы человек пришёл.

— Какой?

— Истопник.

— И?

Савченко посмотрел в сторону комнаты.

— Говорит, стену, которую вы вчера смотрели, кто-то вскрыл с другой стороны.

Алексей окончательно проснулся.

— Как вскрыл?

— Кирпич вынули. Аккуратно.

— Когда?

— Ночью.

— Кто?

— Если бы знал, не пришёл бы спрашивать вас.

Алексей надел брюки.

— Ещё что?

Савченко помолчал.

— Там знак.

— Какой? Дворник пальцем нарисовал в воздухе. Две вертикальные линии. Косая.

Алексей застыл. Мишин знак.

— Вы уверены?

— Я его видел у мальчишки в подвале. Похож.

— Насколько?

— Достаточно.

— Миша ночью дома был.

— Я знаю.

— Кто ещё знает знак?

— Вот это, Алексей Петрович, уже хороший вопрос.

В больнице они нашли пролом. Кирпичи были сложены рядом, а не разбросаны. Кто-то работал спокойно и не спешил. На стене — свежий мел. Две линии и косая. Алексей провёл пальцем рядом, не касаясь.

— Следы? Истопник показал вниз. Пыль была нарушена. Человек вошёл из галереи в подвал. Обратных следов не было.

— Значит, вышел наверх, — сказал Савченко.

— Или ещё внутри.

Они оба посмотрели на тёмную лестницу больницы. Алексей почувствовал неприятный холод. До этого он думал, что обнаруживает забытый город. После смерти Лёни Вера стала ещё тише дома. Она не рассказывала подробности, но Алексей видел их по тому, как она снимала халат, как долго мыла руки, как иногда застывала с чашкой и не замечала, что чай остыл. Он не умел вытаскивать из неё пережитое и со временем понял: не всегда нужно вытаскивать. Иногда достаточно оставаться рядом. В больнице тем временем пространство перестраивали почти каждый день. Палаты превращались в перевязочные. Кабинеты — в палаты. Подвал — в операционную на случай налёта. Вера вместе с сестрой нанесла на стену простую схему: где вода, где медикаменты, где можно разместить раненых при разрушении лестницы. Когда Алексей увидел рисунок, усмехнулся.

— Уже карты.

— Ты заразил.

— Здесь ошибка. Этот проход закрыт.

— Вчера был открыт. Они пошли смотреть. Дверь действительно открыли. Кто — никто не знал. В старом хозяйственном коридоре стояла каталка, которой раньше не было.

— Ваши? — спросил Алексей у санитара.

— Не знаю.

Слово всё чаще встречалось в их жизни. На другом конце больницы работал молодой хирург Александр Николаевич, который постоянно спорил с Верой о том, кого оперировать первым. Их споры не были личными. Скорее это был способ выдерживать невозможность выбора.

— У этого шанс меньше, — говорил он.

— Но есть.

— У другого больше.

— Я вижу.

— Значит?

— Значит, я тоже вижу обоих.

Алексей однажды услышал и потом сказал дома:

— Он прав по логике.

Вера не ответила сразу.

— Конечно.

— И ты тоже.

— Вот это и проблема.

Они всё чаще сталкивались с ситуациями, где два правильных ответа противоречили друг другу. Вера — в медицине. Алексей — в городе. Возможно, именно поэтому они понимали друг друга лучше, чем говорили. История со знаком в больнице изменила их отношение к подземелью. Алексей пришёл на следующий день с рулеткой и проверил галерею целиком.

Она шла под старым крылом, потом поворачивала в сторону соседнего двора. Один участок был засыпан, но воздух тянул — значит, где-то дальше оставалось сообщение. Савченко пришёл вместе с ним.

— До войны сюда таскали уголь, — сказал дворник.

— Откуда знаете?

— Я здесь работал мальчишкой.

— Вы никогда не говорили.

— Вы никогда не спрашивали.

— Что ещё знаете?

— Много.

— Например?

Савченко улыбнулся.

— Если всё сразу рассказать, перестанете уважать.

— Почему?

— Подумаете, что я старый сплетник.

— А вы не?

— Старый. Остальное спорно. В конце галереи Алексей обнаружил следы не только обуви, но и колёс — возможно, старой тележки. Возле стены лежала свежая спичка.

— Недавно, — сказал Савченко.

— Откуда?

— Сухая.

— Здесь сухо.

— Тогда просто хочу выглядеть умным. Но Алексей видел: дворник тоже насторожен.

Вера попросила не закрывать пролом.

— Если будет обстрел, это второй выход.

— И второй вход.

— Для кого?

— Не знаю.

— Опять.

Алексей посмотрел на знак Миши.

— Вот поэтому.

Вера поняла.

— Думаешь, за нами наблюдают?

— Нет. Думаю, здесь ходят люди, о которых мы ничего не знаем.

— Это одно и то же?

— Пока нет.

Она устало улыбнулась.

— Ты тоже полюбил это слово.

На улице приближение фронта уже слышали отчётливее. После нескольких особенно сильных ночей больница готовилась к массовому приёму раненых. Вера сложила в отдельную коробку инструменты и перевязочный материал.

— На случай чего? — спросил Алексей.

— На случай всего.

Он понял, что они оба делают одно и то же: создают запасной путь там, где основной может исчезнуть. Вера после появления чужого знака стала внимательнее к людям, которых видела в больничном подвале. Раньше хозяйственные работники, санитары, истопники проходили почти незаметно. Теперь она замечала незнакомые лица. Однажды спросила у мужчины, несущего ящик:

— Куда?

— В перевязочную.

— Кто послал?

Он назвал фамилию сестры. Вера проверила — всё было правильно. Ей стало стыдно за подозрение и одновременно легче от того, что проверила. Оккупации ещё не было, а война уже разрушала простое доверие. Алексей предложил замуровать пролом в галерею.

— Нет, — сказала Вера.

— Почему?

— Это запасной выход.

— И вход.

— Любая дверь и то и другое. — Он посмотрел.

— Очень философски.

— Я просто врач. У нас тоже любой разрез одновременно рана и путь внутрь. Они договорились закрыть пролом лёгкой перегородкой, которую можно быстро разобрать.

Савченко поставил старый шкаф перед входом.

— Чтобы не видно было.

— А если понадобится?

— Шкаф легче стены.

Миша, увидев, спросил:

— Это секретный проход?

— Нет, — ответили взрослые почти одновременно.

Он улыбнулся.

— Значит, секретный.

Вера потом сказала мужу:

— Мы сами учим его слышать ложь.

— А что делать?

— Пока не знаю.

Алексей посмотрел на тёмное окно. Пока он спорил с Верой, кто-то уже выводил людей из подвалов, открывал им двери, кипятил воду для больных. Ни одного из этих людей он не назначал и не проверял.

Глава 7. Миша и подвалы

Миша знал о знаке раньше отца. Он понял это сразу, когда Алексей утром нарисовал на бумаге две вертикальные линии и косую.

Когда отец спросил, кто нарисовал черту возле угольной, Миша сперва подумал о Кольке. Тот всегда рисовал неровно и заканчивал мел на самом интересном месте. Эта черта была аккуратной, слишком высоко для мальчишек. Миша ничего не сказал: он ещё не решил, стоит ли рассказывать взрослым обо всём, что видел. Зато вечером попросил у Кольки огрызок мела и нарисовал знак на обломке доски. Колька посмотрел и сразу сказал, что так они никогда не делали. После этого обоим стало уже не до игры.

У Миши была своя логика подземного города. В отличие от отца, он не делил проходы на технические и хозяйственные. Для него существовали удобные, страшные, мокрые, короткие и те, куда лучше не ходить одному. Эта классификация раздражала Алексея своей неточностью и одновременно оказывалась удивительно практичной.

— Что значит «страшный»?

— Там звук странный.

— Какой?

— Как будто кто-то за стеной.

— Это трубы.

— Может быть.

— А «удобный»?

— Можно пройти не нагибаясь.

Алексей перевёл взгляд на сына.

— У тебя иногда полезнее определения, чем в наших актах.

— Я знаю.

— Не зазнавайся.

До войны эти маршруты были игрой. Миша, Колька и Сенька искали способы пройти из одного двора в другой, не выходя на улицу. Они оставляли метки, чтобы не заблудиться: круг Кольки, крест Сеньки, две вертикальные линии и косая — Мишины.

— Почему такой?

— Просто.

— Что он значил?

— Что я здесь был.

— И всё?

— А что ещё должен значить?

Теперь знак означал гораздо больше, потому что кто-то взрослый начал использовать его как указание. Когда Миша и Колька пошли проверить больничный подвал, они сначала не чувствовали опасности. Было скорее интересно. Отец говорил не ходить, а запрет только подтверждал, что место важно.

Они вошли через знакомый подвал второго дома. За угольной кучей нашли проход. Потом лестница вниз. Колька светил маленьким фонариком, который украл у старшего брата.

— Если сломаешь, меня убьют.

— А если нас поймают, тебя сначала убьёт мой отец.

— Очень поддержал. Сначала они шутили. Потом увидели следы. Большие ботинки. Свежие. В пыли.

— Твои? — спросил Колька.

— Я босиком хожу, что ли?

— Я просто спросил. Дальше стало тихо. Не обычная подвальная тишина, где капает вода и гудят трубы. Будто кто-то тоже слушал.

Миша остановился.

— Что?

— Ничего.

— Тогда чего стоишь?

— Тихо. Колька тоже услышал слабый скрежет.

— Назад?

Миша хотел сказать «нет». Потом в глубине появился свет. Не яркий. Прикрытый. Они метнулись в нишу за трубой. Колька наступил на стекло. Хруст прозвучал огромным. Свет остановился.

— Кто там? — сказал мужчина.

Миша ощутил, как Колька рядом перестал дышать. Шаг. Ещё. Второй голос, дальше:

— Что?

— Шум.

— Крыса.

— Большая крыса.

Первый мужчина подошёл почти вплотную. Фонарь скользнул по стене, по трубе, остановился в нескольких сантиметрах от лица Миши, но ниша была глубже, чем казалась. Колька дрожал. Миша положил ладонь ему на рукав.

— Пошли, — сказал второй мужчина.

— Знак же стоит.

— Вчера поставили?

— Вчера. Шаги удалились. Мальчики ещё долго не выходили. Потом Колька прошептал:

— Я больше не играю.

Миша ответил:

— Это уже не игра. И только после этого понял, насколько взрослой получилась фраза. Когда он рассказывал отцу, Алексей сначала сердился.

— Я запретил.

— Знаю.

— Тогда зачем пошёл?

— Потому что знак мой.

— Именно поэтому нельзя было.

— А если кто-то его использует?

— Это не твоя проблема.

Миша посмотрел прямо.

— А чья?

Алексей не ответил.

Вера, стоявшая у двери, сказала:

— Хороший вопрос.

— Не помогай.

— Я не помогаю. Я слушаю.

Миша рассказал про запах табака и машинного масла, про сумку у одного мужчины, про фразу «знак стоит». Алексей постепенно перестал быть отцом, который отчитывает сына, и стал инженером, собирающим данные. Миша заметил перемену.

— Вот теперь ты мне веришь.

— Я и раньше верил.

— Нет. Раньше ты злился.

— Можно делать одновременно.

— Это неудобно.

— Взрослая жизнь вообще неудобна.

Позже Алексей понял, что именно этот разговор окончательно втянул Мишу в происходящее. Не потому, что мальчик пошёл в подвал. А потому, что его знание оказалось нужно взрослым. Это был опасный подарок.

— Мой.

— Именно.

— Где?

— В больнице.

Миша перестал жевать хлеб.

— Я там не рисовал.

— Знаю.

— Колька тоже.

— Откуда знаешь?

— Он никогда в больницу не ходил.

— Сенька?

— Тоже.

Алексей смотрел внимательно.

— Кто ещё мог видеть ваши знаки?

Миша подумал.

— Все.

— Что значит «все»?

— Мы же рисовали в подвалах. Любой мог увидеть. Ответ был очевидным и неприятным. После того как отец ушёл, Миша нашёл Колю.

— Помнишь мой знак?

— Конечно.

— Кто-то рисует его в больнице.

Коля заинтересовался сразу. Это было именно то, чего Алексей боялся бы больше всего.

— Пойдём посмотрим.

— Папа запретил.

— Тогда не пойдём.

Они молчали секунд десять.

— Через подвал? — спросил Миша.

— Через подвал.

Детская логика позволяла одновременно выполнять запрет и нарушать его, если правильно назвать действие. Они вошли через соседний дом. Сначала всё было знакомо. Угольная. Коридор. Старая дверь. Потом пространство стало чужим. Война изменила подвалы быстрее, чем улицы. Где-то появились мешки. Где-то люди оборудовали лежанки. В одном помещении хранили воду. Другой проход оказался закрыт. Миша шёл первым. Коля шепнул:

— Ты уверен?

— Да.

— Точно?

— Нет.

— Отлично.

— Не шуми.

В коридоре возле больницы они нашли следы. Большие ботинки. Свежая кирпичная пыль. И знак. Мишин. Он стоял на стене на уровне взрослого плеча. Коля сразу сказал:

— Это не ты.

— Конечно.

— И не я.

— Конечно.

— Тогда кто?

Миша подошёл ближе. Мел был свежий.

— Вчера поставили.

— Откуда знаешь?

— Пыль сверху не легла.

Коля посмотрел с уважением.

— У тебя папа инженер.

— При чём здесь?

— Не знаю. Просто сказал.

Они собирались возвращаться, когда услышали звук. Тихий скребущий шум. Будто кто-то задел стену рукавом. Миша поднял руку. Коля замер. Шум повторился. Потом тишина. Дети стояли в темноте, не двигаясь. Миша вдруг ясно услышал собственное дыхание и испугался, что его услышит кто-то ещё.

— Пойдём, — прошептал Коля.

Миша кивнул. Они сделали несколько шагов назад. Впереди появился свет. Не яркий. Фонарь, прикрытый рукой. Идущий человек явно не хотел, чтобы луч был виден издалека. Миша схватил Колю и втянул в неглубокую нишу за старой трубой. Места почти не было. Коля наступил на стекло. Хруст прозвучал оглушительно. Свет остановился.

— Кто там? Мужской голос.

Миша перестал дышать. Свет приблизился. Ещё шаг. На стене возникла тень.

— Есть кто? Из глубины прохода другой голос:

— Чего встал?

— Показалось.

— Что?

— Шум.

— Крыса.

— Большая крыса. Первый мужчина посветил прямо в сторону ниши. Луч прошёл в нескольких сантиметрах от лица Миши, скользнул по трубе и ушёл.

— Пошли.

— Знак стоит?

— Стоит.

— Значит, сюда.

— Его вчера поставили?

— Вчера.

— Тогда нормально.

Они прошли мимо. Один пах табаком. Другой — машинным маслом. Миша запомнил это почему-то лучше лиц, которых почти не видел. Дети ждали долго. Когда решились выйти, ноги дрожали. Коля прошептал:

— Они знают твой знак.

— Вижу.

— Кто они?

— Не знаю.

— Скажем взрослым?

Миша посмотрел.

— Придётся.

— Тогда нас убьют.

— Кто?

— Родители. Несмотря на страх, Миша усмехнулся.

— Сначала папа.

Алексей действительно разозлился. Но не так, как ожидал Миша. Не кричал. Сел за стол.

— Сначала. Всё.

Миша рассказал.

Коля стоял у двери и подтверждал только кивками.

— Запах масла уверен?

— Да.

— Сумки? Одежда?

— Тёмные куртки. У одного сумка.

— Какая?

— Средняя. Тёмная.

— Лица?

— Плохо видел.

— Что сказали про знак?

Миша повторил дословно.

Алексей слушал всё мрачнее.
— Где ещё вы рисовали твой знак?
— Много где.
— Сколько?
— Не знаю.
— Миша.
— Правда не знаю. В нашем доме, в соседнем, в двадцать седьмом… ещё у котельной.
— Дом двадцать семь?
— Да.
Савченко, пришедший чуть позже, услышал последнюю фразу.
— Там сегодня утром такой же знак.
Алексей повернулся.
— Где?
— В подвале.
Миша сказал:
— Я там давно не был.
— Насколько давно?
— Недели две.
— Мел свежий, — сказал Савченко.
— Сегодняшний или вчерашний. В комнате стало тихо.
Алексей задержал взгляд на Мише.
— Игра закончилась.
Миша не спорил.
— Я понял.
— Нет. Не понял. С этого дня ты никуда не ходишь без моего разрешения.
— Хорошо.
— И все знаки, которые помнишь, рисуешь мне на карте.
— Хорошо.
— И рассказываешь, где они были.
Миша поднял глаза.
— То есть всё-таки помогаю?
Алексей помолчал.
— Помогаешь памятью.
— А ногами?
— Нет.
— Почему?
— Потому что твоими ногами я не готов рисковать.

Миша хотел возразить, но посмотрел на лицо отца и промолчал. Поздно вечером Алексей нанёс на карту все известные детские метки. Некоторые совпали со старыми проходами. Некоторые — нет. Самое неприятное было другое: часть свежих знаков появилась там, где дети их не ставили. Чужие люди взяли детский язык и начали говорить на нём между собой. Алексей долго смотрел на линии. После истории в подвале Миша несколько дней почти не выходил из дома. Не потому, что испугался запрета. Он сам испугался того, насколько близко прошёл незнакомый мужчина. Ночью ему казалось, что пахнет машинным маслом.

Один раз он проснулся и долго не мог понять, где находится, потому что комната была абсолютно тёмной. Алексей заметил, но не стал спрашивать сразу. На третий вечер сел рядом.
— Снилось?
Миша пожал плечами.
— Нет.

— Врёшь.

— Немного.

— Чему у Савченко научился?

Миша улыбнулся.

— Он так говорит?

— Иногда. После паузы мальчик сказал:

— Я думал, если нас увидят, надо будет бежать. А там некуда было.

— Именно поэтому я запрещал.

— Знаю.

— Тогда почему пошёл?

Миша долго молчал.

— Хотел узнать.

Ответ был слишком знакомым. Алексей сам всю жизнь шёл в закрытую камеру, открывал старую дверь, лез в коллектор именно потому, что хотел знать.

— Любопытство иногда опасно.

— Ты всё равно полез бы.

— Я взрослый.

— Это не объяснение. Снова собственная фраза вернулась к нему через сына.

Алексей вздохнул.

— Хорошо. Я умею оценивать часть риска.

— Часть?

— Никто не оценивает весь.

Миша подумал.

— Тогда взрослые просто думают, что умеют больше.

— Иногда и этого хватает. Вместо наказания Алексей дал ему новую тетрадь.

— Записывай только то, что уже знаешь. Никаких новых разведок.

— А если случайно увижу?

— Расскажешь.

— А если Колька найдёт?

— Пусть расскажет тебе, ты мне.

— Значит, будем друг другу передавать, где можно пролезть?

Алексей поднял глаза.

— Какая ещё сеть?

— Не знаю. Просто слово.

Он отмахнулся, но слова Коли всё же остались неприятно ясными. Коля приходил реже. Его семья действительно пыталась уехать, но поезд сорвался, и они вернулись. Мальчик стал серьёзнее, словно вокзал добавил ему несколько лет.

— Там людей столько, — рассказывал он Мише.

— Некоторые трое суток ждут.

— Вы уедете?

— Мать хочет. Отец говорит — поздно.

— А ты?

Коля пожал плечами. Дети тоже начали жить без будущего времени. Алексей тем временем проверял места появления знаков. Некоторые метки оказывались старыми и действительно детскими. Другие были свежими. Он заметил важную разницу: Миша рисовал знак на высоте своей руки. Новые метки стояли выше.

— Взрослый, — сказал он Савченко.

— Или высокий ребёнок.

— Григорий Максимович.

— Что? Всегда оставляйте человеку неприятную возможность ошибиться.

— Откуда у вас эта философия?

— Из плохой жизни.

Они проверили дом № 27. Подвал был большим, с двумя выходами. За старой кладовой находилась стена, по звуку полая.

— Там проход, — сказал Алексей.

— Был, — ответил Савченко.

— До войны замуровали.

— Откуда знаете?

— Потому что помогал таскать кирпич.

— Вы везде были?

— Почти. Это и есть работа дворника: люди думают, что ты метёшь, а ты на самом деле всё время таскаешь их вещи. На стене был свежий Мишин знак.

Савченко посмотрел.

— Ваш мальчик сюда не ходил?

— Говорит, две недели.

— Я ему верю.

— Почему?

— Потому что врёт он хуже вас.

Алексей хотел возразить, но усмехнулся. Появление чужих знаков совпало с усилением слухов о диверсантах, паникёрах, шпионах. По городу ходили проверки. Любой незнакомый человек начинал казаться подозрительным. Алексей заставлял себя не переносить общую нервозность на подземелье. Люди в проходах могли быть кем угодно — рабочими, ворами, беглецами, такими же любопытными, как Миша. Но запах машинного масла и фраза «вчера поставили» не давали покоя. Кто-то не просто видел знак. Кто-то использовал его как договорённость. Коля после опасного похода стал избегать подвалов. Миша сначала счёл это трусостью, потом понял, что друг просто не хочет снова пережить момент, когда свет прошёл рядом с их лицами.

— Мы же выбрались, — сказал Миша.

— В этот раз.

— Ты как взрослый.

— А ты как дурак.

Они чуть не подрались, потом оба рассмеялись. Но прежней игры уже не было. Детские знаки начали исчезать. Алексей вместе с Мишей стирал те, которые мог найти.

— Жалко, — сказал мальчик.

— Почему?

— Это наши.

— Теперь не только.

— Значит, они украли?

— Знак нельзя украсть.

— Можно, если ты его придумал.

Алексей задумался.

— Тогда скажем, переняли.

— Без спроса.

Для Миши это было важным. Его простая система, созданная для игры, стала чужим инструментом. Он впервые почувствовал, что знание после того, как выпущено в мир, перестаёт принадлежать автору. Алексей увидел в этом собственную будущую проблему с картами. Однажды возле дома № 27 они обнаружили знак стёртым. Кто-то провёл ладонью по мелу, но не до конца. Савченко сказал:

— Самое интересное не кто рисует. Кто стирает.
— Почему?
— Рисующий хочет, чтобы увидели. Стирающий — чтобы кто-то не увидел.
— Или просто уборщик.
— Вы всё ещё любите скучные объяснения.
— Они спасают от паранойи.
— Пока.
Алексей посмотрел на дворника.
— Вы специально?
— Что?
— Ничего.

Когда они вышли на улицу, Савченко ещё раз взглянул на старую стену у ворот. Мел там был свежий, хотя дождь закончился только утром. Он снял рукавицу и стёр знак ребром ладони.

Глава 8. Перед входом

Фронт приблизился не по карте. По звуку. Сначала артиллерию слышали только ночью. Далёкие удары можно было принять за грозу или взрывы на железной дороге. Потом они появились днём. Люди на улицах начали останавливаться на несколько секунд, прислушиваться и продолжать путь быстрее. Город менялся на глазах. Из учреждений вывозили документы и оборудование. Во дворах появились баррикады. Через центр шли военные колонны. На перекрёстках укладывали противотанковые препятствия. Магазины закрывались раньше, очереди становились длиннее, хлеб и керосин исчезали внезапно и без объяснений. В управлении городского хозяйства один за другим пустели столы. Королёв вызвал Алексея вечером. На столе лежали две карты.

На двери учреждения, куда Алексей принёс ведомость об аварийных задвижках, ещё висела привычная табличка. Но в коридоре не оказалось ни секретаря, ни посетителей. На столе лежали связки переплетённых папок, по корешкам которых были протянуты бечёвки. Вахтёр попросил оставить бумагу у окна: канцелярские комнаты освобождали, часть служащих уехала с архивом. Алексей не оставил оригинал. Переписал необходимые сведения на оборот старой квитанции, указал место и время передачи, а подлинник забрал с собой. По дороге домой он впервые испугался не того, что бумага пропадёт, а того, что завтра её уже некому будет принять.

К концу лета город всё чаще жил не по часам, а по направлению движения. На восток шли грузовики, санитарные машины и колонны людей. На запад — всё меньше. Военные части проходили через центр усталыми, запылёнными, иногда без строя. Те, кто ещё неделю назад говорил о фронте как о далёкой линии, теперь всматривались в номера машин и лица солдат, пытаясь угадать по ним расстояние до боёв.

Днём город выглядел так, будто пытался одновременно эвакуироваться, обороняться и продолжать обычную жизнь. На одной улице рабочие разбирали вывеску учреждения, на соседней женщины стояли за хлебом, а через площадь тянули противотанковое заграждение. Возле трамвайного депо несколько вагонов стояли без движения: электричество подавали с перебоями, часть персонала ушла на другие работы.

Кондукторша, которую Алексей часто видел по дороге, теперь раздавала воду бойцам из эмалированного ведра. Чем ближе фронт, тем меньше люди говорили о победе громкими словами. В начале войны спорили о сроках. Теперь спрашивали, какие дороги свободны, где есть бензин, работает ли мост, идёт ли поезд. Большие понятия уступали место маленьким задачам. Найти воду. Достать хлеб. Успеть домой до тревоги. Понять, где ребёнок.

Алексей заметил это и в себе. Раньше он мысленно видел город целиком — районы, линии подачи, резервные станции. Теперь внимание сужалось. Один квартал. Один насос.

Один проход. Возможно, именно так человек приспосабливался к приближению опасности: уменьшал мир до размера, который ещё способен удержать.

В тот день он прошёл от управления до больницы пешком. По дороге дважды пришлось сворачивать. На одной улице стояла военная техника, на другой устанавливали заграждение. Во дворе школы грузили в машины ящики с книгами и лабораторным оборудованием. Учительница держала в руках глобус и не знала, куда его положить. Наконец поставила на землю рядом с мусорным баком. Алексей прошёл несколько шагов, вернулся и перенёс глобус под навес.

— Зачем? — спросил Семён, который шёл с ним.

— Не знаю.

— Хороший ответ.

— Жалко.

— Вот теперь ещё хуже. Инженер признался в жалости.

Они улыбнулись, но потом долго молчали.

У больницы машины стояли в два ряда. Одни привозили раненых, другие пытались увозить тех, кого можно было транспортировать. Вера вышла к Алексею прямо в халате.

— Что случилось?

— Ничего. Я мимо. — Она посмотрела на него.

— Ты никогда не заходишь «мимо» в рабочее время.

— Значит, сегодня впервые.

Вера поняла.

— Хочешь проверить, что я ещё здесь?

Он не ответил.

— Я здесь.

— Вижу.

— И Миша дома.

Савченко обещал присмотреть.

— Я знаю.

— Тогда иди работать.

— Очень нежно.

— На нежность времени нет. Она уже поворачивалась, когда Алексей спросил:

— Если скажут уходить, уйдёшь?

Вера остановилась.

— Смотря куда и с кем.

— Это не ответ.

— Другого сейчас нет. Он хотел возразить, но понял, что сам всю неделю отвечал так же.

К вечеру артиллерия стала слышна почти постоянно. Не отдельные удары, а далёкий гул, в котором иногда выделялись тяжёлые разрывы. Люди научились определять по окнам: если стекло только дрожит — далеко, если звенит — ближе. Точной наука не была, но каждый всё равно становился специалистом.

Во дворе Савченко забивал досками нижние окна. Марфа Петровна сидела рядом с клеткой канарейки.

— Птицу в подвал понесёте? — спросил Алексей.

— А куда я её дену?

— Там шумно.

— Здесь тоже.

Савченко сказал:

— Она считает, что канарейка немецких самолётов не боится.

— Не боится, — отрезала Марфа Петровна.

— Людей боится. Через час канарейку всё-таки спустили в подвал.

Этой ночью Алексей впервые собрал возле двери не чемодан, а рабочую сумку: фонарь, документы, бутылку воды, кусок верёвки, нож, карандаш и сложенную карту. Вера помолчала.

— Для эвакуации странный набор.

— Это не для эвакуации.

— А для чего? Он застегнул сумку.

— Чтобы выйти, если обычный выход перестанет быть обычным.

Вера не стала уточнять. Просто поставила рядом медицинскую сумку.

Так в прихожей появились две вещи, которые ещё вчера не должны были там стоять. На рынках торговали до тех пор, пока было чем. Цены менялись за день. Соль исчезла почти сразу. Потом керосин. Потом спички. Хлеб ещё выдавали, но очередь занимали затемно. Люди покупали странные вещи: гвозди, свечи, верёвки, хозяйственное мыло. Всё, что могло пригодиться в мире, где магазин завтра не откроется.

В управлении начали сжигать часть бумаг. Не секретных в строгом смысле, а тех, которые не хотели оставлять. Во дворе стояла железная бочка. Архивистка бросала туда пачки старых ведомостей и плакала.

— Что вы?

— Я их десять лет собирала.

— Это бумаги.

— Вот вы инженер. Для вас бумаги — схема. А для меня это десять лет жизни.

Алексей не нашёл, что ответить. Королёв ходил из кабинета в кабинет всё более раздражённый. Приказы менялись. Сначала оборудование готовили к эвакуации. Потом велели часть оставить. Потом — вывести из строя, если не успеют вывезти.

— Как вывести из строя насос так, чтобы потом восстановить? — спросил Алексей.

— Вот поэтому я вас и вызвал.

— Это противоречие.

— Война вообще плохо составлена как техническое задание.

Они смотрели на карту.

— Если уничтожить центральную станцию, больница останется без воды.

— Знаю.

— Жилые кварталы тоже.

— Знаю.

— Тогда зачем?

Королёв резко сказал:

— Потому что если её оставят работающей, она будет работать на немцев.

— И на людей.

— Да.

— Значит, мы должны решить, кому нужнее вода?

Королёв устало сел.

— Нет. Мы должны выполнить приказ и постараться сделать так, чтобы после нас хоть что-то можно было вернуть.

Алексей понял: инженерная этика закончилась там, где один и тот же насос одновременно служил городу и врагу. На улице появились первые брошенные машины. Не разбитые — просто оставленные. У некоторых не было бензина. Другие стояли с открытыми дверями. Возле вокзала люди уже не спрашивали расписание: пытались узнать, будет ли вообще следующий поезд. Однажды вечером Вера пришла из больницы и сказала:

— Сегодня вывезли часть раненых.

— Всех?

— Нет.

— Почему?

— Нет транспорта.

— А остальных? — Она посмотрела.

— Вот именно.

В ту ночь они почти не спали. По улицам шли войска. Тяжёлые машины заставляли дрожать стёкла. Иногда кто-то кричал во дворе. Потом всё стихло так резко, что тишина стала страшнее шума.

Алексей вышел на балкон. На перекрёстке горел грузовик. Никто его не тушил. По дальней улице двигалась группа солдат. Они шли на восток. Савченко поднялся к ним перед рассветом.

— Видел колонну. Наши уходят.

— Все?

— Я что, штаб?

— Григорий Максимович.

— Не знаю. Но идут туда. — Он показал рукой на восток.

Миша появился в коридоре уже одетый.

— Я слышал.

— Что?

— Всё.

Вера села.

— Значит, надо решать сейчас.

— Куда идти? — спросил Алексей.

— Ты мне скажи.

Он перечислил варианты вслух, словно инженерные линии: вокзал — почти недоступен; восточная дорога — забита войсками; мосты могут взорвать; больница не убежище; управление бессмысленно. Миша сказал:

— Подвалы.

Алексей повернулся.

— Что?

— Если улицы нельзя, можно через подвалы хотя бы до другого квартала.

— Они не ведут из города.

— Но ведут не здесь.

Фраза была детской по форме и взрослой по смыслу. Позже, в старой котельной, они нашли сумку и список адресов. Больница. Дом номер двадцать семь. Их дом. Самым страшным был не список.

Самым страшным было то, что кто-то уже объединил знакомые им точки в маршрут. И сделал это раньше Алексея.

— Закройте дверь.

Алексей закрыл.

— Что-то новое?

Королёв усмехнулся.

— В последнее время всё новое.

— Хорошее бывает?

— Не припомню. — Он показал западную часть города.

— Переходим на особый режим. Если начнётся отход, мосты могут взорвать.

Алексей поднял глаза.

— «Если»?

— Я сказал то, что сказал.

— Войска отходят?

— Мне не докладывают.

— А неофициально?

— Неофициально мне уже сообщили три разных направления отступления.

Алексей посмотрел на карту.

— Водоводы через мосты.

— Поэтому вы здесь. Западные магистрали подготовить к отключению.

— Больницы останутся без воды.

— Я знаю.

— Люди тоже.

Королёв резко отложил карандаш.

— Вы думаете, я не понимаю?

— Я не это сказал.

— Но говорите так, будто приказ придумал я.

Алексей молчал.

Королёв подошёл к окну.

— Моя жена не уехала.

— Почему?

— Сестра заболела.

— Вы не говорили.

— А зачем? Чтобы каждый раз, когда я подписываю распоряжение, все вспоминали мою жену?

Он повернулся.

— Поэтому не объясняйте мне, кто останется. Через минуту сказал уже тише:

— Подготовьте отключение так, чтобы потом можно было восстановить.

— Это приказ?

— Нет. Просьба инженера к инженеру.

Алексей кивнул. На насосной Семён встретил его возле разобранного двигателя.

— Мосты минируют.

— Откуда знаете?

— Шурин работает там. Говорит, провода тянут не для освещения.

Алексей перевёл взгляд на ящики с оборудованием.

— Семью отправили?

— Нет.

— Почему?

— А вы свою?

— Нет.

— Значит, понимаете. — Они помолчали. Семён сказал:

— Если улицы перекроют, ваши подвалы пригодятся.

— Они не ведут из города.

— Те, что знаете.

Алексей поднял глаза.

— Что вы хотите сказать?

— Ничего. Просто наверху теперь каждая дорога у всех на глазах. Домой Алексей пришёл после полуночи. На кухне стояли две сумки.

— Это что? — спросил он.

Вера сидела у окна.

— Я весь вечер боялась, что ты спросишь.

— Когда собрала?

— После дежурства.

— Почему две?
— Одна наша. Одна Мишина.
— А моя?
— Твоей нет. — Он сел.
— Очень предусмотрительно.
— Не начинай.
— Я не начинаю.
— У тебя голос становится такой, будто я уже виновата.
— Ты хочешь уехать?
Вера долго молчала.
— Я хочу знать, что правильно.

На дне одной сумки лежала тетрадь Миши с неровной надписью на обложке. Вера положила её сверху, затем вынула, прижала к груди и только после этого убрала обратно. Алексей хотел спросить о документах, но увидел, что жена даже не застегнула замок: две сумки были собраны на случай бегства, а не для настоящей дороги.

— Этого никто не знает.
— Вот именно. Она сцепила пальцы.
— Если останусь, буду думать, что выбрала больницу вместо семьи. Если уеду — буду знать фамилии тех, кого оставила.
— Ты не обязана спасать весь город.
— Знаю. Но когда у человека есть фамилия, говорить легче не становится. В дверях появился Миша.
— Мне тоже не надо врать.
Вера закрыла глаза.
— Ты давно там?
— Достаточно.
— Мы уезжаем? — спросил он.
Алексей ответил:
— Пока собираемся так, будто можем уехать.
— Это значит «да»?
— Это значит ровно то, что я сказал.
— А ты?
— Возможно, позже.
Миша посмотрел внимательно.
— То есть нет.
— Я не сказал нет.
— Но и да не сказал.
Алексей помолчал.
— Хорошо. Я не знаю.
Миша кивнул.
— Тогда и я не знаю, хочу ли ехать. Через несколько минут спросил:
— Мою карту можно взять?
— Нет.
— Почему?
— Потому что её лучше не носить.
— Я могу спрятать.
— Миша.
— Хорошо. Только не сжигай.
— Не сожгу. На следующий день Савченко нашёл его во дворе.

— Опять знак.

— Где?

— У старой котельной. Вашего мальчишки. И кружок рядом.

Миша, стоявший рядом, сказал:

— Колькин.

— Где Коля? — спросил Алексей.

— Не могу сказать.

Савченко сказал:

— Их семья вчера собиралась на вокзал.

— Значит, он мог уехать.

Они пошли к котельной. Дверь была открыта.

— Утром закрыта была, — сказал Савченко. Внутри пахло угольной пылью и табаком. На стене — две вертикальные линии, косая и круг. На полу — тяжёлый след ботинка.

— Не ребёнок, — сказал Савченко. Из глубины донёсся металлический звук.

Алексей поднял руку.

— Миша, во двор.

— Пап…

— Сейчас.

Мальчик ушёл. В старом техническом ходе они нашли чёрную стрелку, нарисованную углём. Потом сумку. Тёмную. Среднюю.

— Миша такую описывал, — сказал Алексей. Рядом лежал лист бумаги. Несколько адресов. Больница. Дом двадцать семь. Котельная. И их дом.

Савченко прочитал.

— Это ваш.

— Да.

— Почему?

— Не знаю.

— Хороший ответ.

— Другого нет. Вечером Алексей показал лист Вере.

— Больница тоже, — сказала она.

— Да.

— Значит, это не случайные адреса.

— Определённо связаны.

— Чем?

— Вот этого не знаю. — Она посмотрела.

— Так лучше.

— Что?

— Когда ты говоришь точно, где заканчивается знание.

Ночью город почти не спал. По улицам двигалась техника. Слышались команды, моторы, грохот. Около четырёх утра всё внезапно стихло. Именно тишина разбудила Алексея. Он подошёл к окну. По улице шли советские солдаты. Не к фронту. В противоположную сторону. Савченко постучал через несколько минут.

— Наши отходят.

— Куда? Дворник не ответил.

Алексей понял сам.

— На восток.

Вера стояла за спиной.

— Это всё?

— Не знаю.

Миша уже был одет.

— Если улицами нельзя, можно под землёй.

Алексей посмотрел на него.

— Не сейчас.

— Но правда можно.

— Можно. Иногда.

Он развернул карту. Начал отмечать возможные пути через подвалы. И вдруг заметил слабую чёрную стрелку, проступившую на бумаге. Не его. Он перевернул лист. На обратной стороне были отпечатаны тонкие линии, словно когда-то поверх карты лежал другой лист и по нему сильно нажимали карандашом. Маршрут шёл от их квартала к больнице. Потом к котельной. Дальше — к восточной окраине. Те же точки, что в найденном списке. Вера наклонилась.

— Ты рисовал?

— Нет.

Миша сказал:

— И я нет.

Алексей смотрел на линию. За окном продолжали уходить войска.

— Значит, — сказал он, — кто-то уже прокладывал этот путь до нас.

За несколько дней до входа немцев город утратил привычную географию времени. Утро могло начаться с работы и закончиться эвакуацией учреждения. Днём магазин торговал, вечером его двери уже были забиты досками. Человек уходил на смену, а возвращался по улице, где стояла баррикада. Люди перестали планировать на неделю вперёд. Даже слово «завтра» произносили осторожнее. Военные части проходили через центр почти непрерывно. Иногда на запад. Всё чаще — на восток. Лица были усталые, форма покрыта пылью. Солдаты спрашивали воду, дорогу, где работает телефон. Горожане старались не задавать им встречных вопросов, потому что ответы были слишком видны по их виду. У трамвайного депо стояли несколько разбитых машин. Рядом механики снимали детали с одной, чтобы починить другую. Алексей остановился и понял, что город делает то же самое с собой: разбирает привычную жизнь на части, стараясь сохранить хотя бы необходимые функции.

В управлении Королёв передал ему пачку документов.

— Если связь прервётся, действуйте сами.

— Что значит «сами»?

— То и значит.

— А вы?

— Пока здесь.

— Опять это слово.

Королёв усмехнулся.

— Теперь уже можно. Он вдруг протянул руку.

Алексей пожал.

— Это зачем?

— На случай, если больше не увидимся.

— Иван Сергеевич.

— Не начинайте. Просто рукопожатие.

Алексей вышел раздражённым. Только позже понял, что это было прощание. В больнице Вера получила похожее распоряжение: готовить документы к уничтожению, часть медикаментов распределить по подвалам, наиболее тяжёлых оставить там, где есть вода и хоть какая-то защита.

— «Оставить», — сказала она дома.

— Хорошее слово. Как будто речь о вещах.

— Что ещё можно сделать?

— Ничего. Поэтому и злюсь.

За ужином Алексей придрался к неверно закрытому крану. Вера ответила резко, потом сама поднялась и завернула его до упора. Миша сделал вид, что не слышал ни слова, и долго вытирал тарелку полотенцем. Найденный список адресов изменил настроение Алексея окончательно. До этого загадочные знаки оставались абстрактной угрозой. Теперь среди четырёх пунктов был их дом. Он проверил двери, окна, подвал. Заставил Мишу повторить описание мужчин.

— Один выше другого?

— Немного.

— Голос?

— У одного хриплый.

— Акцент?

— Не знаю.

— Сколько лет?

— Пап, я в темноте сидел.

Алексей остановился.

— Прости.

Миша посмотрел.

— Ты боишься? Вопрос был прямым.

— Да.

— Из-за адреса?

— В том числе.

— Что будем делать?

— Пока ничего.

— Ненавижу это слово.

Алексей усмехнулся.

— Добро пожаловать.

Вера настояла, чтобы часть вещей перенесли в подвал: воду, одеяла, аптечку, сухари. Не как бегство, а как запас.

— Если начнутся бои в городе, — сказала она, — мы не будем каждый раз бегать наверх за бинтами.

— Уже говоришь как я.

— Это плохой знак.

Ночью перед отходом советских частей Алексей почти не спал. Он слышал непрерывный гул двигателей. Иногда тяжёлая техника проходила так близко, что дребезжали стёкла. Потом наступила тишина, которая показалась страшнее шума. Утром на улице валялись ящики, обрывки бумаги, оставленная тележка. Дверь одного магазина была открыта, но внутри никого. Люди выходили из домов осторожно, словно город мог взорваться от громкого голоса. И именно в такой момент обнаружилась чужая линия на обратной стороне карты. Алексей долго изучал её при боковом свете. Отпечаток был старше найденного листка, но насколько — определить невозможно. Кто-то когда-то положил бумагу поверх его схемы или схемы из того же архива и провёл маршрут с нажимом. Больница. Котельная. Дом № 27. Восточная окраина.

— Может, служебный путь? — спросила Вера.

— Не похож.

— Почему?

— Нет объектов, только точки.

— Тогда человеческий. — Он посмотрел на неё.

— Что?

— Ты всегда различаешь трубы и людей. Здесь, похоже, рисовал человек, которому нужны были не трубы.

Эта мысль сделала карту ещё тревожнее. К рассвету город уже находился на пороге другой власти, но под ним, похоже, существовала система, которая не ждала ни одной из них. Последний день перед вступлением немцев растянулся необычайно долго.

Утром ещё работала часть учреждений. К полудню исчезли сотрудники. К вечеру двери стояли открытыми. Бумаги летали по дворам. В одном кабинете на столе осталась недопитая кружка чая. Алексей пришёл в управление за инструментами и увидел пустой кабинет Королёва. На стуле висела старая куртка. Он вдруг подумал: человек уехал так быстро, что не забрал вещь, которую носил несколько лет. Тарасов собирал папки.

— Что брать?

— Технические схемы.

— Все не унесём.

— Новые оставьте. Старые возьмём.

— Почему?

— Новые они и сами найдут в системе. Тарасов посмотрел.

— «Они»?

Алексей не ответил. Впервые он сознательно выбирал, какое знание может достаться новой власти. На улице люди подбирали брошенное военное имущество, но осторожно. Кто-то тянул деревянный ящик. Женщина нашла одеяло. Мужчина нёс канистру. Никто не знал, что завтра будет считаться разрешённым, а что — грабежом. Вера вернулась из больницы и сказала:

— Часть раненых осталась.

— Наши?

— Люди.

Он понял, почему она ответила именно так. Через несколько часов вопрос принадлежности мог стать опасным. В больнице сняли часть знаков различия, спрятали документы, которые могли навредить пациентам. Кто-то переодевал раненых в гражданское. Делали это без общего приказа, почти стихийно.

— Ты участвовала?

— Да.

— Это опасно.

— Уже. Утром, когда последние советские части проходили по улице, Миша долго смотрел из окна.

— Они вернутся?

Алексей хотел сказать «да».

Вера посмотрела на него. Он сказал:

— Не знаю когда.

Миша кивнул, поджал босые пальцы под табурет и больше не спрашивал. Вдали ударила артиллерия — уже так близко, что дрогнула ложка в стакане.

Глава 9. Новая власть

Немцы вошли одним из первых осенних утр. Без музыки, без приветствий. По лицам людей в окнах было видно: никто не понимал, чего ждать от этой колонны. Сначала появились мотоциклы. Потом лёгкая машина. Потом грузовики. Они двигались по улицам почти деловито, будто приехали не завоёвывать город, а принимать объект по акту. Люди смотрели из окон, не высовываясь. Миша стоял за занавеской и отодвигал её двумя пальцами.

К вечеру на двери управления сняли старую табличку. Два отверстия от гвоздей ещё оставались в краске, а под ними уже прилаживали распоряжение на чужом языке. Никто не объявлял людям, что прежняя жизнь закончилась. Просто к вечеру на знакомых зданиях появились

чужие караулы, у перекрёстков — новые посты, а на стенах — приказы. Одни и те же двери открывались, только теперь возле них стояли другие люди.

На второй день оккупации город начал меняться уже не внешне, а внутренне. Люди учились понижать голос в общественных местах. Перестали произносить фамилии знакомых без необходимости. Документы носили ближе к телу. Прежде случайная проверка была неприятностью; теперь любая остановка на улице могла открыть о человеке слишком много.

Город после наступления темноты теперь существовал прежде всего на слух. За плотно закрытыми шторами люди различали, как по мостовой проходит патруль, как где-то далеко заводится грузовик, как в соседнем дворе стучат ведром о камень. Любой непривычный звук заставлял замолчать. Раньше ночь означала окончание дня. Теперь она стала временем, когда человек особенно ясно понимал, насколько мало видит и как много вынужден угадывать.

В один из первых вечеров Алексей вышел во двор за водой и увидел, как жильцы стоят возле колонки почти без разговоров. Воду набирали заранее: никто не был уверен, что утром подача сохранится. Женщина перед ним держала два ведра и стеклянную банку.

— Зачем столько? — спросил Савченко, помогая ей поставить ведро.

— А если выключат?

— Тогда и десяти вёдер мало будет.

— Значит, не набирать? — Дворник вздохнул.

— Набирать. Просто я ворчу.

Рядом мужчина переливал воду в бутылки. Кто-то принёс таз. На лестнице сидела девочка и держала кружку обеими руками. Эта очередь была похожа на довоенную только внешне. Теперь каждый запас означал ожидание худшего.

Алексей стоял у колонки и слушал работу трубы. Давление было ниже нормы. Даже без приборов он чувствовал это по струе.

— Опять работа? — спросил Савченко.

— Всегда.

— Плохо быть человеком, который слышит неисправности.

— А вы что слышите?

Савченко посмотрел на окна.

— Людей.

— И что они говорят?

— Меньше, чем думают.

Ответ показался Алексею очередной дворницкой мудростью, но через несколько дней он поймёт её буквально: в доме начнут замолкать при появлении незнакомца, перестанут обсуждать соседей на лестнице, а любой вопрос «кто здесь живёт?» будет звучать иначе.

В квартире Вера раскладывала лекарства, которые сумела принести из больницы: бинт, йод, несколько ампул обезболивающего.

— Это можно?

— Теперь я не знаю, что можно.

— Зачем принесла?

— Потому что если ночью кто-нибудь поранится, до больницы можем не дойти. — Она убрала всё в отдельную сумку.

— Раньше я держала дома только аспирин.

— Раньше я не держал у двери карту подвалов. — Они посмотрели друг на друга.

В этой квартире ещё стояла та же мебель, висели те же фотографии, на кухне была та же чашка с трещиной. Но дом уже менялся вместе с ними. У двери появлялись вещи для бегства. В шкафу — запас еды. Под кроватью — бутылки воды. На столе — документы, которые раньше лежали в ящике.

Оккупация начиналась не только с флагов и приказов. Она входила в квартиру через то, что человек заранее клал рядом с дверью.

У булочной Алексей увидел очередь, в которой почти не разговаривали. Раньше такие очереди всегда жили собственными историями: кто-то жаловался, кто-то спорил, кто-то рассказывал новости. Теперь слышался только кашель и короткие вопросы продавцу. У входа стоял местный полицейский с белой повязкой. Алексей знал его в лицо — раньше мужчина работал на складе. Они однажды спорили из-за протекающей трубы. Полицейский тоже узнал.

— Воронцов?

— Да.

— Работаете?

— Работаю.

— Немцам? Вопрос был сказан почти с насмешкой.

Алексей промолчал.

— Водопроводу.

Мужчина усмехнулся.

— Теперь всё одно.

Фраза преследовала Алексея весь день. Он знал, что это неправда. И одновременно понимал, что доказать обратное будет всё труднее.

В управлении новые распоряжения появлялись каждое утро. Одно требовало восстановить подачу воды в казармы. Другое — составить список квалифицированных работников. Третье — сообщить о запасах топлива. Алексей выполнял часть приказов и всякий раз пытался понять, где проходит граница между работой для города и работой на оккупационную администрацию. Тарасов однажды спросил прямо:

— А если прикажут провести воду только в их казарму, а жилой квартал отключить?

— Не уверен.

— А придётся.

— Тогда решим.

— Вы всё откладываете мораль до момента аварии.

Алексей взглянул на него внимательнее.

— А вы хотите заранее придумать ответы на всё?

— Хочу знать, каким человеком окажусь.

— Этого заранее не узнаешь. Тарасов помолчал.

— Очень неудобная война.

— Других не бывает.

На улицах появились переводчики и посредники — люди, которые неожиданно оказались нужны новой власти. Кто-то знал немецкий со школы, кто-то работал до войны с иностранной техникой, кто-то просто быстро приспосабливался. Алексей начал внимательнее слушать, кто с кем разговаривает. Не из подозрительности — так он убеждал себя. Из осторожности. Дома Вера заметила это первой.

— Ты стал смотреть на людей, как на неисправные клапаны.

— Что?

— Сначала оцениваешь, откуда может потечь.

— Очень медицинская метафора.

— Я живу с инженером.

Она сняла туфли и устало села.

— В больнице сегодня требовали список персонала.

— Дала?

— Заведующий дал.

— И?

— Ничего. Пока. Они оба замолчали на этом слове.

Миша вошёл с улицы позже обычного.

Алексей сразу спросил:

— Где был?

— Во дворе.

— В каком?

— Нашем.

— Только?

Миша нахмурился.

— Ты меня допрашиваешь?

Алексей хотел сказать «нет», но понял, что именно это и делает.

— Просто говори, если уходишь дальше.

— Я говорил маме.

— Хорошо.

Миша посмотрел на родителей.

— Вы оба теперь всё время спрашиваете, где я.

Вера ответила:

— Потому что город изменился.

— Я тот же.

— Вот поэтому и спрашиваем. Вечером в подъезде появилась бумага с требованием зарегистрировать всех жильцов.

Савченко стоял рядом и читал.

— Что думаете? — спросил Алексей.

— Думаю, бумага любит знать больше, чем ей положено.

— Очень конкретно.

— А что тут конкретизировать? Когда власть спрашивает, сколько у тебя детей, где работаешь и кто живёт за стеной, она делает это не из любопытства.

— Вы всегда так относились к регистрации?

— Нет. Раньше я просто не любил бумаги. — Он посмотрел на верхний этаж.

— Теперь есть причины посерьёзнее.

Именно после этой фразы Алексей снова подумал о Левиных — уже не как о соседях вообще, а как о людях, чьи имена окажутся в отдельной графе.

Город осторожно вышел из квартир. Сначала за водой. Потом за хлебом. Потом просто посмотреть. Люди двигались небольшими группами и почти не задерживались на открытых местах. У газетного киоска, где ещё неделю назад обсуждали сводки, теперь висело немецкое объявление. Бумага была приклеена поверх старой афиши так, что из-под неё виднелась половина улыбающегося лица актрисы. Миша остановился.

— Можно прочитать?

— Издалека.

— Я не вижу.

— Тогда потом.

— Почему все боятся подходить?

Алексей посмотрел вокруг.

— Потому что пока никто не знает, что можно.

— А что нельзя?

— Тоже.

Это и было главным ощущением первых часов. Правила существовали, но ещё не стали привычкой. Люди учились им по чужим ошибкам. Кто-то слишком поздно возвращался домой

и попадал под комендантский час. Кто-то спорил при проверке документов. Кто-то пытался пройти по улице, которую объявили закрытой.

На площади стоял разбитый советский грузовик. Рядом двое немецких солдат рассматривали карту. Один совсем молодой, с веснушками, второй старше. Молодой попросил у прохожего огонь. Тот дал спички, и солдат поблагодарил по-русски: «Спасибо». Слово прозвучало почти нелепо. Миша посмотрел на отца.

— Он русский знает.

— Одно слово.

— Всё равно.

Алексей понял, что сын пытается совместить в голове две вещи: врага и обычного человека, которому нужна спичка. Взрослым это тоже давалось плохо. В управлении перемены чувствовались особенно резко. На втором этаже разместили немецкую техническую группу. Часть кабинетов опечатали. Из архива потребовали планы водоснабжения, электросетей и промышленных объектов. Алексей стоял у стола, когда переводчик сказал:

— Нужны все схемы подземных коммуникаций. Он почувствовал холод раньше, чем успел подумать.

— Какие именно?

— Все.

— Канализация? Водоводы? Тепловые линии?

— Все, что есть.

Алексей открыл шкаф. Современные планы лежали сверху. Старые дореволюционные карты он за несколько дней до этого перенёс в другой ящик, часть — домой.

— Вот действующие. Переводчик посмотрел.

— А старые?

— Неактуальны.

— Они есть?

— Архив частично эвакуирован.

Это было почти правдой. Именно «почти» впервые стало его сознательным оружием. Немецкий инженер, стоявший рядом, взял одну схему и задал вопрос. Переводчик сказал:

— Он спрашивает, существуют ли под старой частью города технические тоннели.

Алексей ощутил, как стало сухо во рту.

— Дренажные коллекторы.

— Проходимые?

— Некоторые.

— Где планы?

— Точные планы не сохранились.

На этот раз он солгал. Немец посмотрел на него дольше, чем хотелось. Потом отложил карту. Позже Алексей вышел во двор и несколько минут стоял у стены. Он впервые понял, что его профессиональное знание само по себе может стать опасностью. Пока немцы интересовались водой. Но инженер, задавший вопрос о тоннелях, запомнился ему.

В больнице новая власть появилась иначе. Немецкий врач и офицер пришли осматривать помещения. Вера сопровождала их вместе с заведующим. Немецкий врач говорил через переводчика, но медицинские слова иногда произносил по-латыни, и Вера понимала раньше перевода.

— Сколько коек?

— Сто двадцать штатно. Сейчас больше двухсот.

— Военные?

— Остались тяжёлые, которых не смогли вывезти. Остальные гражданские. Офицер что-то резко сказал. Переводчик спросил:

— Красноармейцы здесь есть?

Вера перевела взгляд на заведующего.

— Раненые есть.

— Я спросил красноармейцы.

— Я врач. Для меня здесь раненые.

Заведующий побледнел. Немецкий врач посмотрел на Веру и неожиданно ничего не сказал. Офицер раздражённо записал что-то в блокнот. После их ухода заведующий закрыл дверь.

— Вера Николаевна, вы хотите, чтобы нас всех отсюда вывели?

— Я ответила на вопрос.

— Нет. Вы уклонились от ответа.

— Значит, научилась.

Она сказала это спокойно, но руки у неё дрожали. К вечеру по дворам пошли люди с тетрадями. Перепись сначала казалась обычной регистрацией. Фамилия. Год рождения. Работа. Кто отсутствует. Потом появился вопрос о национальности.

И вдруг то, что десятилетиями было бытовой частью жизни, стало графой, от которой зависела судьба. Именно тогда фамилия Левиных перестала быть для Алексея просто фамилией соседей.

— Не подходи близко, — сказал Алексей.

— Я и не подхожу.

— Ты почти в окне.

— Я просто смотрю.

Вера стояла у стены уже одетая, хотя в больницу пока не собиралась. Никто не знал, можно ли выходить. Никто не знал, работает ли больница в прежнем порядке. Никто вообще не знал, какие правила существуют теперь и с какого часа они начинают действовать. Во дворе было непривычно тихо. С верхнего этажа донёсся шум мебели. Там жили Левины. Они поселились в этом доме задолго до Воронцовых. Старый Самуил Борисович Левин когда-то держал часовую мастерскую. После революции мастерская исчезла, квартира меняла статус, комнаты делили и снова соединяли, а семья осталась. Для соседей они никогда не были прежде всего «еврейской семьёй». Они были просто Левины. Самуил Борисович — сухой старик с увеличительным стеклом, который всё ещё мог разобрать часы, хотя руки дрожали. Его дочь Мария Самойловна — небольшая строгая женщина, у которой всегда находился кусок сахара для соседского ребёнка, хотя она уверяла, что никакого сахара нет.

И Софья, внучка Самуила Борисовича, двадцатишестилетняя преподавательница музыки. Когда Мише было восемь, она пыталась научить его слушать Моцарта и Шуберта. Через две недели сказала:

— Ты не слушаешь музыку. Ты ждёшь, когда она закончится.

Миша обиделся на месяц. Никому тогда не приходило в голову, что происхождение Левиных однажды станет важнее их характеров, привычек, профессии и всей жизни, прожитой в этом доме. Теперь Алексей, сам не понимая почему, вспомнил об этом. Через полчаса на перекрёстке стоял немецкий пост. К полудню появились объявления.

Комендантский час. Сдача оружия. Регистрация населения. Ограничение передвижения. Часть текста была по-немецки, часть на русском. Люди читали по два раза, будто надеялись, что при втором чтении смысл изменится. Алексей вышел после полудня. Вера встала перед дверью.

— Зачем?

— Хочу понять, что с управлением.

— Ты серьёзно?

— Да.

— А если остановят?

— Покажу документы.

— Какие документы теперь что-то значат?

— Хоть какие-то.

Она смотрела на него.

— Ты можешь один день не спасать трубы?

— Я не трубы спасаю.

— А что? — Он помолчал.

— То, без чего город не проживёт.

Вера устало усмехнулась.

— Поэтому я тебя и боюсь отпускать.

— Почему?

— Потому что ты умеешь придать смысл даже тому, что может тебя убить.

На улице знакомый город изменился без единого разрушенного дома. Те же фасады, рельсы, деревья — и совершенно другой способ двигаться. Люди шли быстрее, не задерживались у групп, не разговаривали громко. Новая власть ещё почти ничего не успела сделать, но уже изменила расстояние между людьми. На площади стояли машины. Над бывшим исполкомом висел чужой флаг. Алексей посмотрел один раз. В управлении было пусто.

Кабинет Королёва почти очищен. Сейф исчез. Часть карт вывезли. Из соседней комнаты вышел Тарасов.

— Вы?

— Я.

— Думал, никто не придёт.

— А вы зачем?

— Хотел посмотреть, существует ли ещё работа.

— И?

— Существует.

— Королёв?

— Уехал ночью.

Алексей удивился.

— Он ничего не сказал.

— Видимо, не успел. Они успели обсудить насосные, когда в коридоре послышались тяжёлые шаги. В кабинет вошли двое: немецкий офицер и переводчик с папкой.

— Кто вы? — спросил переводчик.

— Инженеры городского хозяйства.

— Фамилии. Они назвали. Немец задал вопрос.

— Какие объекты обслуживаете?

— Водоснабжение, — сказал Алексей. Переводчик записал. После короткого обмена фразами сказал:

— Завтра в восемь должны быть здесь.

— Зачем?

— Работать. Тарасов тихо усмехнулся.

— Что смешного? — спросил переводчик.

— Ничего.

— Если не явитесь, будут последствия.

Молодой чертёжник, державший за спиной испачканные тушью руки, потянулся к журналу дежурств, но переводчик положил на него ладонь. Нельзя было понять, что именно запрещено: открыть журнал, записать фамилии или продолжать прежнюю работу без разрешения. Чертёжник отступил и спрятал руки в карманы. Алексей впервые видел, чтобы обычная конторская запись заставляла человека так бояться собственной подписи.

— Какие? — спросил Алексей. Переводчик посмотрел внимательно.
— Не советую проверять. Когда они ушли, Тарасов сел на край стола.
— Вот и ответ.
— На что?
— Существует ли работа.
Алексей смотрел на дверь.
— Придёте завтра? — спросил Тарасов.
— Да.
— Почему?
— Если не приду, найдут другого.
— И?
— Другой может не знать систему.
— Немцам тоже нужна вода.
— Знаю.

Вот в этом и была первая ловушка оккупации. Любая полезная работа приобретала два значения. Починить насос — сохранить воду больнице и дать воду немецкой части. Сохранить электричество — помочь людям и комендатуре. Не работать — сопротивляться новой власти и одновременно бросать собственный город. Правильное решение не лежало ни на одной стороне. Домой Алексей вернулся до темноты. Миша спросил:

— Ты видел немцев близко?
— Да.
— Какие они?
Вера сказала:
— Миша.
Алексей ответил:
— Разные.
— Страшные?
— Некоторые.
— А остальные?
— Обычные.
Вера внимательно взглянула на мужа.
— Зачем ты это говоришь?
— Потому что это правда.
Он повернулся к сыну.
— Запомни другое: обычный человек с оружием тоже может быть опасен. В дверь постучали.
Савченко вошёл быстро.
— По дворам перепись.
— Кто?
— Местная полиция. С ними немец.
— Что спрашивают? — сказала Вера.
— Фамилия, возраст, работа, кто отсутствует, кто служил. — Он замолчал.
Алексей заметил.
— Ещё?
Савченко посмотрел на Мишу, потом всё-таки сказал:
— Национальность. Евреев записывают отдельно. Тишина.
Миша спросил первым:
— А Софья?
Вера резко обернулась.

— Она дома? — спросил Алексей.

— Мать и дед дома. Софью утром видел.

— Сколько домов прошли?

— До нашего подъезда осталось минут двадцать.

Вера уже шла к двери.

— Куда?

— К Левиным.

— Зачем?

— Предупредить.

— Они и сами поймут.

— Тогда помочь. На лестнице было темно. На третьем этаже уже стояли двое мужчин в гражданском. Один держал тетрадь.

— Фамилия? Документы. Кто проживает? Они двигались от двери к двери. Квартира Левиных была следующей.

— Открывайте! Тишина.

Савченко коснулся локтя Алексея.

— Подвал.

Алексей повернулся к Вере.

— Спускайся. Найди Мишу. Пусть покажет проход в соседний дом.

— А ты?

— Задержу.

— Чем?

— Не знаю. Она схватила его за рукав.

— Не геройствуй.

— Не собирался.

— Ты всегда так говоришь. Мужчина снова постучал.

Алексей подошёл.

— Дверь заедает. Её приподнять надо.

— Вы кто?

— Сосед. Он постучал сам.

— Мария Самойловна! Это Воронцов. Замок щёлкнул. Мария Самойловна стояла бледная.

— Документы. Мужчина просмотрел паспорт.

— Национальность? Она задержала дыхание.

— Еврейка. Он поставил отметку.

— Кто ещё?

— Отец.

— Дочь? Мария Самойловна замолчала.

— Есть дочь?

— Уехала.

— Когда?

— До войны.

— Куда?

Ответ был слишком быстрым. Мужчина сделал шаг к комнатам. В этот момент снизу раздался грохот.

— Вода! — закричала Вера.

— Стояк прорвало!

Савченко мгновенно подхватил:

— Вот чёрт! Мужчины раздражённо ушли вниз.

Алексей закрыл дверь.

— Софья где? Из спальни вышла сама Софья. Пальто поверх домашнего платья. Маленькая сумка.

— Я всё слышала.

— Вниз.

— Мама со мной. Мария Самойловна резко сказала:

— Нет.

— Мама.

— Деда мы не унесём. Если исчезнем все, всё станет ясно.

— Я не оставлю вас.

— Оставишь.

Софья смотрела на мать.

— Я вернусь.

— Конечно. Обе знали, что обещание ничего не гарантирует. В подвале Вера стояла по щиколотку в воде возле открытого сбросного крана.

Алексей посмотрел.

— Ты это устроила?

— Похоже на аварию?

— Очень.

— Тогда потом поругаешь.

Миша держал фонарь.

— Сюда. Он провёл Софью к пролому за угольной комнатой.

— Куда? — спросила она.

— В соседний дом, — сказал Алексей.

— Дальше решим.

— Я не хочу втягивать вас.

— Уже поздно.

Вера добавила:

— И потому что теперь мы знаем, что вас ищут.

Софья закрыла глаза.

— Значит, всё.

— Нет, — сказал Алексей.

— Пока только начало.

Через несколько минут она исчезла за стеной. Алексей остался у пролома и впервые ясно понял, что подземный ход использовали не для ремонта, не из любопытства и не ради аварийного доступа. Они спрятали человека. Первые сутки оккупации запомнились Алексею не выстрелами, а бумагой. Объявления появлялись быстрее, чем люди успевали их прочесть. На столбах, дверях, стенах бывших учреждений. Приказы о сдаче оружия, регистрации, запрете выходить ночью, наказаниях за нарушение. Город, который ещё вчера жил по советским распоряжениям, за несколько часов оказался покрыт новым слоем текста. Люди читали молча. Некоторые искали знакомых, которые могли перевести немецкую часть точнее русского варианта.

Табличку у входа в управление никто сперва не трогал. На второй день под ней появился лист, прибитый двумя гвоздями: прежние служащие должны были явиться с документами. Кто составлял список и кому именно он подчинялся, из листа было непонятно. Внутри всё выглядело до обидного знакомо. Тот же стол у окна, те же чернильные пятна на подоконнике. Только печать на новом пропуске уже была чужой. Переводчик произнёс фамилию Алексея с ошибкой; прежняя машинистка, оставшаяся при столе, молча исправила её карандашом. Он

поймал себя на том, что благодарен ей, и сразу почувствовал стыд. Одно привычное движение позволяло чужому приказу работать точнее.

Возле одного объявления мужчина сказал:

— Здесь не так переведено.

— А как? — спросили сразу трое. Он прочёл. Оказалось хуже. К вечеру слухи уже обгоняли приказы. Говорили, что будут забирать мужчин определённого возраста, что магазины откроют, что не откроют, что за радио расстрел, что радиоприёмники только зарегистрируют. Никто не знал, чему верить.

Савченко выработал своё правило.

— Пока не увидел бумагу — слух. Увидел бумагу — всё равно проверяй, кто её повесил.

— Очень удобно, — сказал Алексей.

— Зато не ошибаюсь быстро.

Во дворе появились новые люди — местные мужчины с белыми повязками. Ещё вчера один из них работал на рынке. Теперь он ходил с винтовкой. Миша заметил первым.

— Я его знаю.

— Не показывай, — сказал Алексей.

— Почему?

— Потому что теперь лучше иногда не показывать, кого знаешь.

Эта фраза далась тяжело. До войны ребёнка учили обратному: поздороваться, назвать имя, сказать правду. Оккупация за сутки начала перестраивать даже такие простые правила. На работе немцы быстро поняли ценность специалистов. Алексей получил временное удостоверение, позволявшее проходить к насосным в часы, когда обычным жителям движение ограничили. Бумага была полезной и унизительной одновременно. Тарасов вертел свою карточку.

— Поздравляю. Теперь мы официально нужные.

— Лучше, чем ненужные.

— Не уверен.

Немецкий инженер, которого звали Беккер, почти не интересовался политикой. Он спрашивал давление, запасы топлива, количество насосов и состояние электросети. Именно эта профессиональная нормальность раздражала Алексея сильнее грубости охраны.

— Он понимает трубы, — сказал Тарасов после совещания.

— Да.

— Плохо?

— Не знаю.

— Вам вообще последнее время всё «не знаю».

— Хорошая привычка.

Беккер потребовал показать резервные линии. Алексей впервые почувствовал новую опасность: чем лучше он объяснит систему, тем полнее оккупационная власть узнает город. Он отвечал точно, но не добавлял лишнего. Если спрашивали основной водовод — показывал основной. Старые обходные галереи не упоминал. Это была первая сознательная недосказанность на работе. Ему было неприятно, но естественно. Вечером после спасения Софьи Алексей долго сидел в подвале, слушая, как наверху полиция продолжает перепись. Голоса проходили над сводом. Иногда кто-то спускался на несколько ступеней. Вода, выпущенная Верой, растеклась по полу и медленно уходила в сток.

— Хорошую аварию устроили, — сказал Савченко.

— Это Вера.

— Я понял.

— Откуда?

— Настоящая авария пахнет иначе.

Алексей на мгновение замолчал.

— Вы серьёзно?

— Нет. Но звучит умно.

Савченко сел на перевёрнутый ящик.

— Левины давно здесь.

— Знаю.

— Самуил Борисович мне часы чинил. Один раз бесплатно.

— Почему?

— Потому что я ему уголь принёс. Видите, как всё устроено: никто не герой, просто люди друг другу должны по мелочи.

— И теперь? — Дворник посмотрел на пролом, куда ушла Софья.

— Теперь мелочь стала большой.

Именно так Алексей воспринимал происходящее. Никто не принимал торжественного решения «спасать». Просто прежние соседские связи внезапно стали вопросом жизни. Новая власть делила людей на категории. Подземный город пока делил только на тех, кто открывает дверь, и тех, перед кем её закрывают. В первые дни оккупации город учился новым телесным привычкам. Люди перестали останавливаться посреди тротуара. Документы держали ближе. Разговоры заканчивали, если рядом появлялся человек с повязкой или в форме. Даже дети стали тише во дворах. Миша однажды спросил:

У булочной возникла новая очередь, хотя хлеба в этот час ещё не привезли. На двери висела записка с часами выдачи, а ниже другой рукой было дописано, что порядок изменён. Женщина с ребёнком спросила, по прежним ли карточкам дадут хлеб; продавщица ответила, что сама ничего не знает и ждёт распоряжения. Никто не расходился. Люди пытались сохранить очередь хотя бы потому, что в ней было понятно, кто за кем стоял. Алексей прошёл мимо и увидел, как старик аккуратно переложил карточку из одного кармана в другой, будто от перемены места она могла стать действительной.

— Почему все шепчут, если ничего плохого не говорят?

Алексей ответил не сразу.

— Потому что иногда опасно не то, что говоришь, а кто решит, что услышал.

— Это глупо.

— Да.

— Тогда почему взрослые соглашаются?

— Не соглашаются. Приспосабливаются.

Миша нахмурился.

— Это одно и то же?

Алексей посмотрел на Веру. Она отвернулась.

— Нет. Но со стороны иногда похоже.

На работе немецкие распоряжения становились всё конкретнее. Требовали списки сотрудников, адреса, должности. Алексей впервые увидел, как административная машина захватывает город не только солдатами, но и формулярами. Переводчик однажды попросил:

— Здесь укажите всех специалистов, которые могут самостоятельно обслуживать насосную.

Алексей перечислил тех, кого немцы уже видели, и не вписал двух пенсионеров, которых можно было вызвать в крайнем случае. Тарасов заметил.

— Забыли?

— Да.

— Понятно.

Они не обсуждали. Маленькая ложь стала формой сохранения человеческого резерва. Вечером во дворе прошла первая серьёзная проверка квартир. Мужчины с повязками откры-

вали кладовые, спрашивали про оружие и отсутствующих жильцов. Савченко шёл рядом как дворник, показывая двери.

— Здесь пусто.

— Кто жил?

— Уехали.

— Куда?

— Если бы люди сообщали дворнику планы, я бы был начальником города. — Полицейский посмотрел подозрительно, но пошёл дальше. Позже Алексей спросил:

— Зачем провоцировали?

— Не провоцировал. Если отвечать слишком послушно, человек начинает задавать больше вопросов.

— Откуда знаете?

— Люди везде одинаковые.

Савченко привычно взял метлу, прошёл через двор и открыл ворота доставщику воды. Тот поздоровался с ним так, будто утром не происходило ничего необычного. В подвале, куда вели эти ворота, уже ждал человек, которого нельзя было показывать никому из соседей.

Глава 10. Софья

Софья вышла в соседний подвал другой. Не внешне. На ней всё ещё было то же пальто поверх домашнего платья, в руке та же небольшая сумка. Но ещё час назад у неё были квартира, мать, дед, ноты на столе и чашка на кухне. Теперь у неё был чужой подвал и вопрос, который никто не мог решить: куда дальше. Миша выбрался первым.

До войны Алексей знал Софью так, как люди обычно знают соседей: видел на лестнице, здоровался, однажды помог поднять тяжёлую коробку с нотами, слышал, как она спорит с Мишей о музыке. Он не знал, что она любит крепкий чай и боится собак, что в детстве хотела стать пианисткой, но повредила два пальца правой руки и выбрала преподавание. Не знал, что по утрам она всегда открывала окно, даже зимой, потому что дед говорил: «Музыке нужен воздух».

Теперь эти ненужные прежде подробности вдруг становились способом вернуть ей человеческий облик. Не «еврейка, которую прячут», а Софья Левина, двадцать шесть лет, преподаватель музыки, дочь Марии Самойловны, внучка часовщика.

В первый день в укрытии она почти не говорила. Сидела у окна, прикрытого одеялом, и прислушивалась к улице. Анна Фёдоровна поставила перед ней тарелку супа.

— Ешьте.

— Не могу.

— Тогда сидите и смотрите. Супу всё равно.

Софья улыбнулась.

— Вы всегда так утешаете?

— Я никого не утешаю. Я кормлю. Через минуту Софья взяла ложку.

Алексей пришёл позже и застал её за странным занятием: она отбивала пальцами ритм по столу.

— Что это?

— Ничего.

— Похоже на музыку.

— Это и есть музыка.

— Без звука?

— Иногда лучше без звука. — Она показала руки.

— Если долго не играешь, пальцы всё равно помнят.

— Удобно.

— Нет. Иногда мучительно.

Алексей понял, что подземная жизнь будет состоять не только из того, как провести человека из точки в точку. Человек приносит с собой привычки, страхи, потребность говорить, есть, спать, знать, что стало с родными. Спрятать тело легче, чем жизнь. Софья постоянно спрашивала о матери.

Однажды она перестала спрашивать и попросила листок бумаги. На обороте старого нотного черновика написала фамилию врача, у которого дед наблюдался до войны, и название лекарства. Потом сама перечеркнула адрес: он мог выдать слишком многое. Вере она объяснила, где у Самуила Борисовича лежал запас таблеток и на какой ступеньке он всегда останавливался передохнуть. Вера не обещала достать лекарство, но спросила дозу и время последнего приёма. Софья впервые за два дня смогла говорить о доме без слёз. Ей дали не надежду, а дело, которое ещё можно было сделать.

— Я могу хотя бы записку?

— Нельзя.

— Почему?

— Потому что её могут найти.

— Тогда передайте словами.

— Кому?

— Савченко.

— Чем меньше он знает, тем лучше. — Она посмотрела на Алексея с раздражением.

— Вы всё превращаете в схему.

— Потому что схема помогает не ошибаться.

— Люди ошибаются и по схеме.

— Реже.

— Вы уверены? Он не был. Позже Вера сказала ему почти то же.

— Софья не груз, Лёша.

— Я знаю.

— Тогда перестань говорить о ней как о маршруте.

— Я так не говорю.

— «Перевести», «передать», «точка», «выход». Ты уже говоришь языком труб.

— А какой язык здесь безопаснее?

Вера помолчала.

— Безопаснее — возможно, этот. Но не забывай иногда возвращать людям имена. Поэтому на следующий день Алексей спросил Софью:

— Вы действительно хотели быть пианисткой? — Она удивилась.

— Откуда знаете?

— Вера сказала.

— Она всё замечает.

— К сожалению.

Софья улыбнулась.

— Да. Хотела. Потом поняла, что играю хорошо, но не настолько хорошо, чтобы быть несчастной всю жизнь из-за каждого, кто играет лучше.

— Практично.

— Вы даже мечты оцениваете как инженер.

— А как надо?

— Иногда никак. Это была первая их беседа, в которой не обсуждали укрытия и проверки. Вечером Софья тихо спросила:

— Я когда-нибудь вернусь домой?

Алексей уже собирался сказать «не знаю», но вспомнил Веру.

— Не сейчас.

— Это другое.

— Что?

— Не знаю. Но звучит иначе.

Он понял: точность тоже можно выбирать. Не обязательно вся правда должна произноситься в одной фразе.

— Здесь тихо. За ним Софья и Савченко. Дворник закрыл проход старым ящиком.

— Сюда редко ходят.

— А дальше? — спросила Софья.

Миша показал на дверь.

— Во второй двор.

— А потом?

— Потом посмотрим. — Она улыбнулась нервно.

— Очень обстоятельно.

— Папа тоже так говорит.

— Он у нас стратег, — сказал Савченко.

— Я не стратег, — отозвался Миша.

— Конечно.

Второй двор был тише. У двери Савченко постучал условно: два раза, пауза, ещё один. Открыла Анна Фёдоровна, женщина лет пятидесяти. Она посмотрела на Софью.

— Левина?

— Да. Анна Фёдоровна отступила.

— Заходите. Никаких вопросов. В комнате пахло картошкой и молоком. На стене тикали часы.

Софья почему-то долго смотрела на них.

— Садитесь.

— Я ненадолго.

— Все теперь ненадолго. Анна Фёдоровна поставила чай и хлеб.

Миша собирался уходить.

— Фонарь у окна не включайте. Дверь не открывайте. Если стучат…

— Миша, — сказал Савченко.

— Всё. Ушёл. Через час пришёл Алексей.

— Как вы?

Софья посмотрела.

— Как человек, которого спрятали в чужой кухне.

— Понятно.

— Вам?

— Нет.

— Тогда зачем спрашиваете? — Он сел.

— Потому что не знаю, с чего начать.

— Так честнее.

Алексей развернул карту.

— Нужно другое место.

— Верните меня домой.

— Нет.

— Почему?

— Они вернутся.

— Откуда знаете?

— Потому что уже вернулись к соседям.

Софья замолчала.

— Что с мамой?
— Пока спокойно.
— Дед?
— Дома.
— Я не могу оставить их.
— Вы уже не дома. Она резко подняла глаза.
— Вам легко говорить.
— Нет.
— У вас семья рядом.
Алексей ответил:
— Пока.
Софья отвела взгляд.
— Простите.
— Не за что. — Он спросил:
— Родственники в городе?
— Нет.
— Друзья?
— Все знают, кто я.
— Это теперь важно?
Она усмехнулась без радости.
— Вы сегодня только это заметили?
— Да.
— Я тоже. Она провела пальцем по чашке.
— Всю жизнь фамилия была просто фамилией. В дверь постучал Савченко. Лицо тяжёлое.
— Они вернулись к Левиным.
Софья встала.
— Что сделали?
— Расспрашивали про вас.
— Мама?
— Сказала, что вы уехали.
— Поверили?
Савченко не ответил.
— Значит, здесь тоже нельзя, — сказала Анна Фёдоровна.
— Куда? — спросила Софья.
Савченко сказал:
— Старый дом на Рыночной.
Алексей задержал взгляд.
— Там пусто?
— Второй этаж выгорел. Первый почти пустой. Подвал сухой.
— «Почти»?
— Я дворник, а не бог. До темноты ждали. Анна Фёдоровна дала Софье серый платок.
— Волосы спрячьте.
— Я похожа на тётку.
— Именно. К ночи пришёл Алексей.
Савченко ждал внизу.
Миша тоже.
— Ты куда? — спросил Алексей.
— Покажу проход.

— До первого поворота.

— Я могу дальше.

— Нет.

Софья сказала:

— Пусть покажет.

— Не вмешивайтесь.

— У него сейчас единственное полезное знание в комнате.

Миша сразу сказал:

— Вот.

Алексей вздохнул.

— До первого поворота. Они шли через несколько подвалов. Сначала знакомые, потом старые, сырые. На стенах следы копоти. Под ногами кирпичная крошка.

Софья остановилась.

— Странно.

— Что?

— Живёшь двадцать шесть лет и думаешь, что знаешь город.

— Город никогда не знает себя полностью, — сказал Алексей.

— Люди тоже. На первом повороте Миша остановился.

— Дальше прямо, потом лестница. Справа есть ниша, если надо спрятаться.

— Откуда знаешь?

— Потом расскажу.

— Конечно.

Софья улыбнулась.

— Очень на вас похож.

— Не дай бог.

— Уже поздно. Через два квартала пришлось выйти наверх. Они ждали двадцать минут в подворотне, пока патруль уйдёт. Вдалеке раздался один выстрел.

Софья закрыла глаза.

— Не смотрите туда, — сказал Алексей.

— Я и не смотрю.

— Хорошо.

— А вы?

— Я тоже. Дом на Рыночной действительно выглядел пустым. Верхний этаж выгорел. Окна без стёкол. Подвал сухой.

— Здесь можно несколько дней.

— Несколько дней, — повторила Софья.

— А потом?

— Потом придумаем.

— Вы всё время говорите «потом».

— Потому что дальше суток теперь ничего не существует. Наверху скрипнула доска.

Алексей погасил свечу. Шаг. Ещё один.

— Вы сказали, дом пустой.

— Так сказали мне. Из темноты послышался старческий кашель.

— Кто там?

Алексей не ответил.

— Если немцы — стреляйте сразу. Всё равно ноги не работают.

— Мы не немцы.

— Тогда поднимайтесь. На первом этаже сидел старик с перевязанной ногой. Рядом топор.

— Значит, дом не пустой, — сказал Алексей.

— Для большинства пустой.

— Вы хозяин?

— Был. Теперь сторож пепла.

Софья спросила:

— Вы один?

— Был до сегодняшнего вечера.

Алексей объяснил кратко. Старик выслушал.

— Оставайтесь.

— Вы даже не спросите, кто она?

— Если бы хотел знать, спросил бы.

— А если опасно?

— Сейчас все опасные.

Софья впервые за день рассмеялась. Старик посмотрел.

— Вот. Уже польза. — Он показал комнату без окна на улицу.

— В подвале сырость. Там лучше.

Алексей проверил помещение. Окно выходило во внутренний двор, его можно было закрыть одеялом.

Софья поставила сумку.

— Завтра попробую узнать про мать, — сказал Алексей.

— Не ходите сами.

— Посмотрим.

— Алексей Петрович. Если из-за меня…

— Решение уже принято.

— Кем? — Он помолчал.

— Всеми понемногу.

На обратном пути Алексей шёл тем же маршрутом один. Теперь он замечал его иначе. Не просто кирпич, трубы, проломы — а людей, которые сделали проход возможным. Миша показал путь. Савченко нашёл Анну Фёдоровну. Анна Фёдоровна открыла дверь. Вера отвлекла полицию. Старик на Рыночной дал комнату. Никто не договаривался заранее. Никто не называл происходящее организацией. У своего дома Алексей встретил Савченко.

— Ну?

— Оставил.

— Где?

Алексей поднял глаза.

— Лучше вам не знать. Дворник прищурился.

— Уже секреты?

— Уже.

Савченко подумал и кивнул.

— Правильно.

Поднимаясь по лестнице, Алексей понял: сегодня они впервые не просто нашли проход. Следующие часы после перевода Софьи на Рыночную оказались для неё тяжелее самого бегства. Пока нужно было идти, прятаться, ждать патруль, тело выполняло простые задачи. Когда появилась комната и возможность сесть, пришло понимание.

Она достала из сумки вещи: бельё, расчёску, маленькую записную книжку, две фотографии и ноты, которые почему-то схватила вместе с документами. Старик посмотрел.

— Музыкант?

— Преподаватель.

— На чём?

— Фортепиано. Он оглядел выгоревшую комнату.

— Не повезло. Рояль сгорел.

Софья улыбнулась.

— Я переживу.

— Правильный ответ.

Он представился только как Фёдор Ильич и больше о себе не рассказывал. Алексей позже узнал, что до войны старик работал мастером на мебельной фабрике, а дом принадлежал его семье ещё до революции. Пожар уничтожил верхний этаж во время бомбёжки, жена погибла в начале войны, дочь уехала. Он остался, потому что, по его словам, «кому-то надо смотреть, как дом доживает». Софья спросила:

— Почему вы не уехали?

— А вы почему не уехали раньше? — Она замолчала.

— Вот. У каждого есть хороший ответ, пока не спрашивают.

В ту ночь она почти не спала. Слышала машины, шаги во дворе, далёкие крики. Каждый раз казалось, что пришли за ней. Фёдор Ильич дважды вставал проверить дверь, но не говорил, что тоже боится. Утром Алексей передал через Анну Фёдоровну записку без имени: «Дома спокойно. Пока». Софья прочитала несколько раз. Одно слово раздражало и успокаивало одновременно.

Тем временем Алексей пытался понять, как долго можно держать человека в случайном убежище. Дом на Рыночной подходил на дни, но не на недели. Нужны были еда, вода, возможность выйти, связь с матерью. Каждая новая необходимость создавала нового человека, который должен был знать хотя бы часть истории. Вера предложила передавать продукты через больницу.

— Нет, — сказал Алексей.

— Почему?

— Больница уже в списке адресов.

— А наш дом тоже.

— Поэтому тем более.

— Тогда Анна Фёдоровна?

— Слишком часто будет ходить.

— Савченко?

— Его все знают.

Вера помолчала.

— Получается, чтобы спрятать одного человека, нужна половина города.

— Именно этого я боюсь.

— А я думала, ты боишься немцев.

— И их тоже.

Миша предложил приносить еду сам.

— Нет.

— Я выгляжу как ребёнок с сумкой.

— Ты и есть ребёнок с сумкой.

— Тем более.

— Нет.

— Объясни.

— Не хочу, чтобы ты превращал то, что делаешь, в преимущество.

— Но оно преимущество.

Алексей услышал в этом ту же логику, которая потом станет причиной их большого спора. Пока он просто запретил. Савченко нашёл другой способ: хлеб передавали вместе с обычными хозяйственными покупками Фёдора Ильича. Марфа Петровна следила, нет ли за

посыльным хвоста. Никакой централизованной системы не было, но связи возникали сами. Через два дня Софья написала матери записку. Одну фразу: «Я жива». Алексей долго держал бумажку в руках.

— Передадите?

— Постараюсь.

— Нет. Если опасно — не надо.

— Хорошо.

— Вы даже не спорите.

— Учусь.

Записку передал Савченко. Не заходя к Левиным. Оставил Марии Самойловне в условленном месте между пустыми вёдрами в подвале. На следующий день там лежал ответ: «Мы тоже». Софья плакала, читая две эти слова. Алексей отвернулся к окну. Он понял: теперь речь не только о маршруте. Любой скрытый человек создаёт вокруг себя невидимую сеть надежд, страхов, сообщений и людей, готовых рисковать ради нескольких слов. Это было куда сложнее, чем провести кого-то из одного подвала в другой. Софья постепенно привыкала к комнате Фёдора Ильича, но это была не привычка к месту — скорее привычка к ожиданию. Она училась двигаться тихо, не подходить к окну, не зажигать свет вечером. Часы стали главным предметом в её жизни. До войны время измерялось уроками. Теперь — промежутками между шагами во дворе и редкими сообщениями из дома. Однажды Фёдор Ильич спросил:

— Играть скучаете?

— Очень.

— Пальцы забывают?

Софья посмотрела на руки.

— Боюсь, что я забуду раньше.

— Что?

— Зачем это было нужно. Старик нахмурился.

— Музыка?

— Да.

— А хлеб зачем нужен, знаете?

— Чтобы есть.

— Вот. Пока живы — всё нужное вернётся.

Она улыбнулась. Алексей, когда навещал, приносил не только еду, но и новости. Иногда ничего конкретного: «мать видели у окна», «дед жив», «проверка сегодня не приходила». Софья принимала такие сообщения как лекарства.

— Вы понимаете, что теперь отвечаете ещё и за то, что говорите мне? — спросила она.

— Понимаю.

— Если скажете «всё хорошо», я буду верить.

— Тогда не скажу, если не знаю.

— Жестоко.

— Зато честно.

— Иногда честность тоже форма жестокости.

Он вспомнил Веру. Алексей вспомнил, как Софья отдёрнула руку от двери, когда он слишком подробно объяснил ей опасность выхода. Он мог назвать все причины, по которым она не должна возвращаться, но не мог подсказать, куда ей девать память о доме. Поэтому в следующий раз, когда Софья спросила, сможет ли вернуться домой, он ответил:

— Не сейчас.

Софья отступила от двери на полшага. Она не попросила объяснить, когда именно будет можно, и Алексей был благодарен ей за это молчание. Они провели по нему человека. Назад к прежнему смыслу этих подвалов дороги уже не было.

Глава 11. Старый коллектор

На следующее утро Алексей проснулся раньше будильника. В памяти сразу появились Софья, дом на Рыночной и путь через подвалы. Вера сидела на кухне. Перед спуском в коллектор Алексей составил список того, что взять. Два фонаря. Запасные батареи. Верёвку. Лом. Мел. Кусок плотной ткани. Флягу. Семён посмотрел на всё это и добавил молоток.

Перед выходом из дому он достал журнал обходов, где ещё до войны отмечал проверку старых камер. На последней странице стояла его подпись под обычным ремонтом. Если журнал попадёт к чужому человеку, по дате можно будет восстановить, где он работал и кто был рядом. Алексей долго держал раскрытую тетрадь. Вырывать лист означало оставить заметную дыру; оставить как есть — слишком многое рассказать о маршруте. Он закрыл журнал и спрятал его в рабочий шкаф, решив впредь не превращать каждый шаг в письменный отчёт. Решение шло против всего, чему его учили в управлении.

— Зачем?

— Чтобы было чем пожалеть, если не возьмём.

— Очень технический подход.

— Я слесарь. У нас научная школа попроще.

Сам вход оказался хуже, чем Алексей помнил. Кирпичная кладка вокруг двери отсырела, металлическая рама перекосилась. Они почти двадцать минут работали ломом, прежде чем дверь подалась. За ней воздух был неподвижный и холодный. Семён поднял фонарь.

— Вот теперь понимаю, почему люди предпочитают улицы.

— Там посты.

— Здесь крысы.

— Крысы документы не проверяют.

— Пока. Они пошли.

Алексей намеренно отмечал время. Первые сто метров — шесть минут. Потом завал — ещё четыре. В боковой галерее пришлось пригибаться. Он считал не только расстояние, но и то, сколько времени займёт путь у человека пожилого, у ребёнка, у раненого. Семён заметил.

— Опять считаете?

— Да.

— Для кого?

Алексей не ответил.

— Понятно.

— Что понятно?

— Когда инженер говорит, что проверяет трубу, а считает, сколько здесь пройдёт человек, это уже не про трубу.

Алексей остановился.

— Если вам не нравится, возвращайтесь.

— Я не сказал, что не нравится. Я сказал, что вижу.

В глубине коллектор менялся. Старый кирпич был тёмный, почти чёрный от влаги. В некоторых местах на своде выступали белые соляные пятна. Вода текла тонкой струёй по центральному желобу, и шаги отдавались далеко вперёд.

У первой камеры они обнаружили следы свечи. Не старый воск — свежий, мягкий. Семён потрогал.

— День-два.

— Может, рабочие.

— Какие?

Алексей промолчал. Дальше нашли консервную банку. Потом окурок. Потом треугольник мелом. Каждая вещь сама по себе ничего не доказывала. Вместе они создавали чувство, что идут по чужому дому. Семён перестал шутить.

— Если встретим?

— Поздороваемся.

— А если они не захотят?

— Посмотрим.

— Вы иногда очень плохо умеете успокаивать. У завала пришлось лечь на живот.

Алексей первым протиснулся в щель и несколько секунд лежал с другой стороны, прислушиваясь. Тишина.

— Идите. Семён полез следом. Застрял сумкой.

— Я говорил, молоток лишний.

— Даже не начинайте.

Они выбрались и долго отряхивали одежду. За завалом пространство было суше. Здесь следы становились очевиднее. Кто-то регулярно ходил. Пыль сбита, на стене потёртость от плеч, в нише спрятана бутылка воды. Алексей взял бутылку.

— Не трогайте, — сказал Семён.

— Почему?

— Не наше.

Простой ответ заставил его поставить воду обратно. У выхода за трамвайным депо они впервые увидели поверхность с другой стороны маршрута. Алексей осторожно поднял крышку. Двор жил обычной жизнью. Женщина развешивала бельё. Ребёнок катил деревянный обруч. Мужчина чинил велосипед. Два мира разделяла металлическая крышка толщиной в несколько миллиметров. Семён тихо сказал:

— Странная штука.

— Что?

— Там люди думают, что просто двор. А мы сейчас вылезем из-под них.

Алексей опустил крышку.

— Не будем вылезать.

— Почему?

— Не надо, чтобы нас запомнили. — Семён посмотрел.

— Вот теперь точно не трубы. На обратном пути они укрепили опасный участок двумя подпорками. Работали долго.

Алексей проверял каждую.

— Если вести людей, здесь нельзя рисковать. Семён перестал стучать молотком.

— Всё-таки людей.

Алексей понял, что проговорился.

— Возможно.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Что наконец сказали вслух. — Он снова взял молоток.

— Я не спрашиваю кого. И лучше не говорите.

— Почему?

— Потому что если меня завтра схватят, мне меньше придётся врать. Это было первое правило будущей сети, произнесённое человеком, который ещё не считал себя её частью.

— Ты вообще спала?

— Четыре часа.

— Прогресс. — Она посмотрела.

— Софья где?

Алексей задержался.

— В безопасном месте.

— Это я поняла. Где?

— Лучше тебе не знать.

Вера поставила чашку.

— Уже и мне?

— Если меня остановят, я не должен знать всех. Если Савченко остановят — он не должен знать Софью. Если…

— Про Мишу не продолжай. — Он замолчал.

Вера отвернулась.

— Я понимаю. Всё равно не нравится.

— Мне тоже.

— Только не превращай это в привычку. Если когда-нибудь всё закончится, людям опять придётся доверять.

Миша вошёл уже одетый.

— Я готов.

— К чему?

— Ты куда-то собираешься.

— Останешься дома.

— Почему?

— Буду проверять старый коллектор.

Миша оживился.

— У котельной?

Алексей посмотрел.

— Ты карту смотрел.

— Ты её оставил.

Вера тихо сказала:

— Справедливо.

— Спасибо за поддержку.

Алексей нашёл Семёна у насосной.

— Нужна помощь.

— С насосом?

— Нет.

— Значит, хуже.

— В старый коллектор. Семён вытер руки.

— Наконец-то.

— Что значит «наконец-то»?

— Вы уже неделю на него смотрите. Вход находился за заброшенной котельной. Внутренняя дверь заржавела, пришлось работать ломом. За ней пахнуло сыростью.

— По карте почти полтора километра, — сказал Алексей.

— По карте.

— Да.

— В конце?

— Старый водосброс.

— Открыт?

— Не знаю. Семён усмехнулся.

— Я уже начинаю ценить ваши ответы.

Первые сто метров прошли легко. Потом начались обвалы. В одном месте пришлось протискиваться боком. Появилась первая боковая галерея, которой на плане не было.

— Тут ходили, — сказал Семён.

— Когда?

— Давно. Копоть старая. Они продолжили. На влажной земле впереди Алексей заметил след ботинка. Свежий. Семён присел.

— Недавний.

— Кто-то был здесь.

— Или есть.

После этого каждый звук приобрёл другое значение. Капля могла быть каплей. А могла быть шагом. Старая камера делила ход на две ветки. Левая затоплена. Правая сухая.

— Нам направо.

— А налево?

— К реке.

— Проверим потом?

— Если понадобится. Свод становился ниже.

Алексей начал считать шаги.

— Зачем? — спросил Семён.

— Если фонарь погаснет, буду знать расстояние до развилки.

— В полной темноте поможет?

— Нет.

— Тогда?

Алексей подумал.

— Чтобы делать хоть что-то. Семён больше не смеялся. У большого завала они остановились. Справа у пола оставалась щель.

— Можно пролезть, — сказал Алексей.

— Можно не пролезать.

— Можно.

— Что выбираем? Семён полез первым.

— Почему вы?

— Вы инженер. Я дурак.

— Аргумент.

— И если придавит одного, второй позовёт помощь.

— Тоже аргумент. За завалом коллектор оказался неожиданно чистым. Пыль была вытоптана. На стене появился треугольник мелом.

— Знаете? — спросил Семён.

— Нет. Дальше — чёрная линия углём. Потом старый фонарь, но чистый. Пустая банка. Спички.

— Кто-то здесь сидит, — сказал Семён.

— Или сидел.

— Очень утешает.

Через сотню метров они вышли к лестнице. Крышка сверху тяжёлая, но поддалась. Алексей осторожно приподнял. Обычный жилой двор за трамвайным депо. Бельё. Велосипед. Старик кормит голубей. Он опустил крышку.

— Значит, коллектор проходим.

— Пока. — Семён сел на ступеньку.

— Теперь скажете зачем?

Алексей долго молчал.

— Вчера вывели женщину из дома.

— От немцев?

— От полиции.

— Поэтому ищете путь?

— Да.

— Одну женщину?

— Пока одну. Семён усмехнулся.

— Вот это «пока» мне не нравится.

— Почему?

— После первой будет вторая.

— Не обязательно.

— Обязательно.

— Откуда знаете? — Семён посмотрел на тёмный ход.

— Потому что если один раз открыл дверь, потом трудно сделать вид, что не умеешь. На обратном пути у треугольника Алексей остановился.

— Не нравится мне этот знак.

— Почему?

— Потому что не наш.

— Значит, путь не наш.

Эта фраза осталась. Когда они вышли на поверхность, день казался слишком ярким. Алексей оглянулся на дверь. Полтора километра кирпича, сырости, обвалов и чужих следов. Теперь он знал, что путь существует. И одновременно понял: он никому не принадлежит. Кто-то ходил там раньше. Кто-то оставлял фонарь. После первого прохода коллектора Алексей вернулся туда днём уже один — не дальше завала, только до первой развилки. Хотел проверить вентиляцию и состояние кладки. На самом деле проверял другое: не изменилось ли что-то после их появления. Треугольник оставался на месте. Рядом появился маленький след угля, которого вчера не было. Он долго рассматривал, не касаясь. Знак мог быть старым, просто не замеченным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.